Змеиная гора

Автор:
Тимур Рымжанов

Змеиная гора

Тимур Рымжанов

Колдун #2

Ему скучно принимать правила того мира, где он оказался. То ли дело перековывать мир под себя. Ввязаться в войну, разжигая ее, как колдовской горн. Стойко принять удар судьбы и бросить ответный вызов. Уверенный в своей несокрушимости враг даже не подозревает, с какой чудовищной силой ему придется столкнуться. Но тот, кого предки прозвали Князем-колдуном, еще только набирает силу.

Тимур Рымжанов

Змеиная гора

Пролог

Коптильня, возле которой возился, шумно сопя, обдирая на щепу бугристое, корявое полено, угрюмый дед – местный староста, завлекающим ароматом притянула двух скоморохов в сопровождении стайки любопытных молодок и босой детворы, не отстающей от бродяг-балагуров с самого их появления у ворот селища. Явились скоморохи средь белого дня, незваными, весь народ в поле, вот и некому было их во дворы пригласить. Прошли они понуро от капища вдоль пристани да скоро оживились, почуяв пряный дух коптильни.

Скомороший пес в потертом сизом колпаке, привязанном на шее, то и дело вставал на задние лапы и начинал крутиться на месте, хотя ему и не приказывали этого делать. Такое независимое поведение пса вызывало смех и привлекало зевак. Пес был рад всеобщему вниманию к своей блохастой персоне и вертелся на месте, пританцовывая и высовывая от усердия язык.

Задорно стукнув поочередно по каждому колену звонким бубном, скоморох с растопыренной бородой взбодрился, зыркнул на пса, хитро прищурив взгляд, да так, что тот завертелся еще быстрее, при этом жалостно подвывая. Бородач встал на четвереньки и, закинув бубен себе на голову, пополз к ошалевшему от происходящего деду, приговаривая:

– Что ни диво, то криво. Пес по-человечьи хаживал, за барыней ухаживал, нать и нам, видать, хвостом повилять, жирной косточки поспрашать.

– А вот хворостиной по бокам… – угрюмо пообещал суровый дед, наморщив лоб да покосившись на толстые жерди, лежащие у плетеной стены коптильни.

– Сидит дед, в тулуп одет, шапка набекрень, все орет, щепу дерет, меда не пьет, а идут скоморохи, идут не зевают, мед попивают, народ забавляют.

– Кыш! Убогие! – рявкнул дед, безуспешно пытаясь сохранить сердитое лицо, но уголки рта непроизвольно подернулись вверх. Зажав улыбку, дед сосредоточенно схватился за топор и стал еще усердней тесать полено, косясь одним глазом в сторону импровизированного выступления.

– Дайте скомороху пива, чтоб поведал дива! – вступил в действие второй бродяга звонким голосом, беря из рук товарища бубен, как эстафетную палочку. – По дороге гуляли, на свадьбе побывали. Злыд Коварь всех окрест побивал, боярину Дмитрию, слышь, показал шиш! Брагу злую, бочками с березовыми почками, отдал Коварь что вено, за боярово колено!

– Ведьма свахою была, пироги ему пекла! – подпевал ему косматый скоморох, пританцовывая. – Боярин, что дитятя, боится обнять зятя, молится, ни ест, ни пьет, а ну как загрызет! Клык у Коваря железный, что капкан медвежий.

– Брехня! – ухмыльнулся дед, позабыв про свою щепу, отложив наконец-то топор, окончательно заинтригованный.

– Гости во дворе плясали, в салки с бесами играли, коварю – веселье, монахам – песнопенья! – не унимался молодой скоморох, колотя в бубен головой, в то время как его старший напарник задорно стал насвистывать на глиняной свистульке, скосив уморительно глаза к переносице. – Меды горькие, на полыни стойкие, что зелейщика-злодейщика, да оленьи кости отведали гости. Во крепости под стены камены, под ворота железны, во рвы глубокие да попадали. – Выкрикнув это, скоморохи повалились наземь, словно мертвые, изображая, видимо, как, по их мнению, упились гости на свадьбе.

Пес, все так же стоя на задних лапах, продолжал кружиться на месте, виляя хвостом, и не заметил, что вся труппа уже на земле. Запоздало жалобно заскулил и тоже повалился на землю, поджав лапы. Кто-то из молодок бросил псу сухарик, но лохматый артист даже не отвлекся на угощение, только вильнул хвостом, а молодой скоморох вскочил, еще больше входя в раж, выколачивая из бубна простенький, залихватский ритм.

– От коваря кузла не ведали зла, а боярин бобром кол на коваря тешит, за гривну дочь берет пусть хоть леший. Коварь – варяг, умишку напряг, чар наворожил, черту душу заложил, молодому князю вдарил, под хомут его поставил. Удивляется народ – кто тут князь, а кто хадот.

– Охальники! – заржал, не выдержав, дед, опрокидывая колоду и вставая в полный рост. – Дам вам браги да хлеба, бесы глумливые, и чтоб духу вашего здесь не было!

Зычно голося на всю округу, прогоняя скоморохов, староста никак не мог удержать смех.

Широкая грудь старика сотрясалась, а округлый живот подергивался от усилий скрыть веселье.

Отбежав вместе с собакой на безопасное расстояние, скоморохи низко поклонились старосте, и даже пес опустился на передние лапы, подражая хозяевам.

– Мир вам, люди добрые. Благодарствуем за угощение.

Чуть не расплескав крынку с пивом, молодой скоморох поспешил скрыться за воротами усадьбы, а его старший товарищ все откланивался, косясь на улыбчивых молодок, явно недовольных тем, что представление так скоро закончилось.

Пройдя чуть меньше версты по широкой, хоженой дороге, когда озорная детвора наконец отстала, скоморохи устроились под орешником, на обочине, расстелив худой, облезлый тулуп на траве вместо подстилки.

– Вот видал, Прошка, жадный староста, как и говорил лодочник. У коптильни стояли, духом провоняли, а рыбы так и не увидали.

При слове «рыба» пес вскочил и стал суетно обнюхиваться вокруг, воспринимая знакомое слово как команду к действию.

– Хлеб да пиво – все ж не каша березовая. А то, глядишь, так бы и отобедали оглоблей по сусалам, – возразил старшему молодой.

– Коваря дворовые люди за веселье щедрей платят. И рыбы дадут, и мяса с котла, и с любого огорода кочан капусты снимут…

– И молока, и сыра, подтвердил молодой, вгрызаясь в обветренную горбушку ржаного хлеба. – Ворочаться нам надо, дядька, сказывают бредники, дескать, плох год, уйдем от коваря, впроголодь жить станем.

Отхлебнув из крынки, косматый скоморох откинулся назад, опираясь спиной о тонкий ствол дерева. Суетливый пес подбежал к хозяину, понюхал мутную жижу в крынке и, отворотив морду, попятился, косясь на горбушку в руках Прошки.

Старший было задремал, как вдруг вскочил и стал прислушиваться к звукам леса, нервно теребя засаленный ворот рубахи.

– Что там, дядька? – встревожился Прошка. – Разъезд иль купчишки?

– Да кажись, тутошние мужики волов гонят… да большое стадо!

– А бряцают, что разъезд, – высказал сомнение молодой, тоже прислушавшись. – Ох, угодим под нагайки, дядька, схорониться бы…

– Тсс! – шикнул на Прошку дядька. – Успеем. В бурелом они за нами не пойдут.

И действительно, из-за поворота от пригорка повалило на дорогу стадо волов. Погонял скотин мужик в крапивном рубище, запыленный и босой, а шапка на нем была лисья, хоть и изрядно потрепанная, но дорогая. Суетливо хлеща палкой быков по округлым бокам, торопя и без того резвый шаг встревоженного стада, он чихал и кашлял от поднимающейся по дороге густой пыли. Позади мужика, напирая храпящими, потными лошадьми, гарцевали десяток всадников. Все при оружии, в кольчугах да в цепной броне. У каждого помимо меча еще и кривая половецкая сабля. Щиты деревянные, но украшенные и окованные богато. На щитах знаки новой веры. Всадники заметили путников и чуть припустили лошадей, обгоняя стадо и погонщика по обочине.

– А ну погодите, крамольники! – рявкнул кряжистый ратник, подоспевший к тому месту, откуда собрались дать деру скоморохи. Пес звонко залаял было на всадника, но тут же скрылся за ногами хозяев, трусливо выглядывая на топочущих копытами лошадей.

– Доброго дня тебе, боярин, – засуетились скоморохи, выстраиваясь в рядок, стянув шапки. Отвесив низкий поклон, они, не сговариваясь, попятились, подбирая с травы разбросанные впопыхах скромные пожитки.

Внимание скоморохов привлек юный наездник, показавшийся за спиной у окликнувшего их воина. На вид молодому было, может, чуть больше пятнадцати, совсем еще отрок, но крепкий, ладный, умело сидящий в седле. Заметно выделялись на нем расшитые золотой канителью сапоги с начищенными до блеска бронзовыми наголенниками. Дорогое седло, и кольчуга, скованная явно впору, словно влитая сидит на юном теле.

– Нынче суздальские да владимирские послы утеснений не ведают, а сами на людей прохожих кидаются, – вполголоса ворчал Прошка, видя в юнце если не боярского сына, так разбалованного дорогими подарками купеческого отпрыска. То, что этот отрок был не местный, скоморохи сразу смекнули и потому немного расслабились. Пришлый, кто бы он ни был, незнакомых людей на чужой земле обижать не станет.

– Далече ли до переправы, сказывайте, не то биты будете, – вопрошал ратник, грозно зыркнув на скоморохов из-под стеганой холщовой шапки-подшлемника.

– Коваря паромщик злой да сытый. За работу гривну с дюжины взымет, а вас почитай три десятка, – ответил дядька, скривив ехидную гримасу. – А дадите бедному скомороху монетку, я вам брод хоженый покажу.

– Не пристало нам ног мочить, ероши! Отвечай, что спрашивали!

– Ой, да что-то мы, батюшка, запамятовали, – замялся Прошка, почесывая затылок. – То ли от перченой пустоши три версты да косая сажень, все по тропиночке; то ли по вдоль лесочка, да по бережку, за лисьей норой да бобровой конурой, по медвежьей тропке до малинника…

– А ну! – гаркнул ратник, привставая в седле и отводя в замахе руку с плетью.

Дядька хоть и был слегка напуган за своего младшего напарника, все же держался достойно, затарабанил пальцами по бубну, как бы имитируя быстрые шаги, а оскалившийся, взъерошенный пес при звуках бубна привычно вскочил на задние лапы и стал приплясывать в такт, поджав передние лапки.

– К Коваря Железенке тропки, что лесенки, – заговорил дядька, вторя Прошкиному тону, – то на холм, то с холма, то болотами, то чащобами, да все одно мимо лешего, мимо грешного, да повешенного, да неутешного, где и ног поломать и зуб выбивать. Приметишь куницу – глухаря поймаешь, а дороги не узнаешь, не изведаешь.

– Тебе, скомороху, не горланить да потешать велели, а толком сказывать. Ответь из уважения к путникам дальним. Дам трех куропаток, еще не ощипанных, – сказал примирительно молодой воин и, поравнявшись с ратником, твердо перехватил взметнувшуюся было плеть.

Понимая, что его сказки да прибаутки не нашли благодарных слушателей, дядька выпрямился, взял бубен на манер подноса и уже смелее подошел к молодому боярину, ожидая обещанной награды прежде, чем что-то расскажет.

Молодой воин отвязал от седла тушки куропаток и бросил на бубен скомороху. Дядька тут же отпрянул и, спешно собирая оставшиеся вещи, ответил вполне серьезно, но все же не сумев совсем обойтись без скоморошьих ужимок.

– По дороге селище, за селищем кладбище, за кладбищем стойбище, у стойбища две тропки. Правая тропка к повитухе Савельевне, левая тропка до переправы Коваря. По тропке той почитай семь верст вдоль берега, издаля видать станет башенку, на башенке сычом дозорный, у дозорного глаз острый, посчитает, приметит, а как подойдете – оплеухой встретит.

Сказав это, оба скомороха как по команде шмыгнули в лес, волоча убогие пожитки. Оставшийся один на полянке пес быстро обернулся по сторонам, звонко облаял шумно сопящее стадо волов, плетущихся по дороге, гавкнул на перебирающих нетерпеливо копытами угомонившихся лошадей и также скрылся в зарослях, не отставая от хозяев.

– Ну что за народ эти скоморохи да баяны?! – возмутился рослый ратник, устраиваясь удобнее в седле. – Ну ведь ни слова нормально сказать не могут, все у них коленом вывихнуто, да как репей – ершисто-заковыристо!

– Полно тебе, Евпатий, небось мимо башни на берегу не пройдем, издалека приметим. У прочих ремесло в руках, у скоморохов в языках, вот и чешут без устали за подать. Чем еще сыты будут?

– Вот всегда вы, княжич, за чернь вступаетесь! А они ни вас, ни батюшку вашего не жалуют, напраслину наговаривают, совсем распустились. Кабы не голод да сушь, плетьми бы огрел охальников, а так боязно, за баяна со скоморохами и селяне встать могут, на вилы вздернут и роду-племени не спросят.

– По пронским не скажешь, что голодно у них. Вон, и хлеб едят, и рыбу. В Переславской крепости сверх договоренного два мешка овса дали, чтоб гривну не рубить.

– То Коваря работа. Он всех здешних хадотов да бояр к ногтю, как вшей, прижал. Станется, скоро целовать ему сапоги старый Ингвар будет. Я вот уж почитай как восьмой год в Коломне, дома, в Рязани, давненько не бывал, а ходят слухи, что Коварь всю Рязань себе взял, Муром обтесал, обрубил, данью обложил. С мордвой да уграми дружбу водит, с ясами да черемисами. Булгар да казар к

себе в гости ждет, зельями потчует.

– А что о колдовстве его говорят? Сильное, сказывают?

– Я-то слухам да вон, – Евпатий указал на то место, где скрылись скоморохи, – скоморошьим байкам не верю. Они за горбушку да серебряну сколку петухами запоют, воронами закаркают, а за гривну и вовсе душу отдадут, босота!

– А ну как он и нас зельем опоит, заневолит…

– На постой к нему проситься не станем, не по чести примет – так дальше пойдем, до самого Ингвара. Спросим, что за бесовщину он в земле своей развел, да с бояр-данников спросим!

– Ты то сам, Евпатий, моему отцу данник, во служении, хоть земли твои мордва обирает, а нынче вот с Коварем во главе!

– Не до тех мордвин нынче. Во Пскове да Владимире разорение, глад, мор. А Рязань меды пьет, песни поет. Хоть муромского епископа, заступника Василия, со всей кафедрой сюда ставь – бесов прогонять.

– Зачем же тогда Коварь эту весть разослал, что в одному ему ведомый праздный день соберет он всех удалых? Зачем приглашает, если принимать не станет? Коварство замыслил?

– Ох, как выйдет на бесовское капище, станет ворожить, не по нраву это мне! – буркнул Евпатий, теребя поводья. – Только батюшка ваш велел с вас глаз не спускать. Весть идет, что собирает он всех, кто удал да ловок, словно на скоморошье побоище, как на поле спорное. А кто проявит себя, сказывают, тому большая награда обещана. Коня, серебра, меч знатный да вольную, если дворовый или хозяйский раб, холоп.

– А не войско ли себе готовит Коварь? – спросил молодой князь, чуть обгоняя Евпатия. – Рать купит, грабить пойдет.

Евпатия и молодого князя, скачущих впереди, догнал еще один ратник, который слышал их разговор. Поравнявшись, он сразу же вставил свое слово, несмотря на

то что Евпатий одарил его суровым, даже презрительным взглядом.

– Знаю я десятника Кузьму, что был на осаде Рязани той осенью, когда Коварь за старого князя Ингвара вступился.

– Расскажи, как было, Ратмир, – попросил молодой князь, отвернувшись от бурчащего и недовольного Евпатия.

– С той поры Кузьма чудной стал, пугливый да убогий, но помнит крепко, а как говорить начнет, все крестится, – продолжил Ратмир, совершенно не обращая внимания на недовольство Евпатия и радуясь, что привлек внимание юного князя своим рассказом.

Дорога извивалась, огибая поросший высокой травой холм, там и тут скрываясь в чернильных пятнах теней высоких сосен, припорошивших хвоей пыль да жухлую зелень у обочин. Ратмир нарочно придержал коня, давая тем самым понять, что его рассказ будет долгим. Сопровождая молодого князя Александра по поручению его отца Ярослава Всеволодовича, Ратмир старался как можно подробнее поведать отроку все, что только знал о Коваре, личность которого обросла самыми таинственными легендами и слухами.

– Вышла та осень сырая да теплая. На реке лед все не вставал, а дороги так развезло, что почитай двадцать дней от Суздаля до Рязани шли, сказывал мне Кузьма после, как заикаться перестал. Шли бравые, бойкие, оружие вострили, кольчуги чинили, большими дворами боярскими да купеческими сыты были, по велению Владимирских да Суздальских столов ничем не обделенные. От Рязани ждали большого разъезда, с вестью, для полной уверенности, что верное Ингвару варяжское войско тем числом, как о них сказывали, на месте и не думает сдавать крепость. Как подошли с правого берега, выслал Юрий одного из своих людей верных, сказать боярам, чтобы город отдали, ворота отворили. Самому Ингвару в ту пору, что человек говорит, что ворона каркает, все едино было. Потому-то Юрий свое взять хотел, что не видел в брате силы. Но те бояре ослушались, не признали его княжьего права, велели передать с посыльным, чтоб убирался восвояси. Осерчал тогда Юрий и велел дружине в ту же ночь осадой стены взять да убить всех неугодных. В ночь всполошилась Рязань, стали стены подпаленные тушить, набаты бить. На стены духовник Ингвара, епископ Алексий поднялся, стал посрамлять Юрия за родную кровь, за дворы пожженные… Да без толку! Почуяли уже, пришлые, легкую добычу, глумятся, зубы скалят…

Дружина с похода отдыхать стала, так, для острастки держали лучников, да мужикам велели делать таран, чтобы западные ворота к утру бить. От реки с севера было не пройти, да и разлив совсем топкий, так что только западные ворота и способно было одолеть.

Сели бояре Юрия и сам он в ночь пировать, делить земли, уверенные в скорой победе, обсуждать дела, да все бранились, когда владимирский воевода сказывал, что его люди станут послами с приказами и что сам Юрий, как стол возьмет, суздальским князьям станет крест целовать в залог верности. Отдаст им казну на распоряжение и станет на земле рязанской лишь наместным. Так спорили они почти до утра, когда вдруг из ночной тьмы, как раз пред рассветом, явился к ним Коварь, как есть, говорит Кузьма, в мрак ночной обернувшись. Предстал перед боярами, воеводами да князем без страха, без поклона и говорит, что взял он и детей Юрьевых, и жену, и что если не станут стены брать да уйдут восвояси, встретят они по дороге родню плененную. А коль не уйдут, то быть им убитыми. Вот тогда, сказывал Кузьма, Василь Сирота копьем в него и метнул со страху, не дождавшись дозволения. Да только то копье, что в твердый камень ударило, искрой сверкнуло и сгинуло. Раздвинул тогда Коварь тьму окрест себя, да и увидели все, что брони на нем железные, да такие тугие, что ни мечом не взять, ни копьем, ни стрелой. Невежлив был Юрий, младший князь, с тем Коварем, скверно ему ответил, гривну жены своей из рук его вырвал да забранил. Осерчал Коварь, плюнул, погрозил да отступил, а как отступил от костра, то оземь ударился да лютым волком обернулся, все в тех же бронях железных да со стаей, что из тьмы вырвалась, бросился на рать и стал резать глотки, вены рвать, брюхи вспарывать. Свистнуло лихо, и сгинул во мгле, как появился, без звука и ратных кличей. И стал гром средь ясного неба бить в тот же миг, и пал огонь, и тьмы железных оводов да шершней стали жалить и лошадей, и людей, и жгли огнем, и рвали на части. И увидев это, рязанское ополчение во главе с варягами Ингвара да боярами вышло из ворот крепости и всех, кто уцелел, добили, пленили, в Коваря оковы крепкие, тесные взяли. Бита тогда была Юрьева рать страшным боем, черным заклятьем, худой ворожбой да волшбой темной. За то колдовство, за кровь отдали бояре Ингвара Коварю каждый по сто гривен серебра, по сто кун со двора, а один боярин старшего рода, Дмитрий, свою дочь, которая тому Коварю приглянулась в жены. В большом страхе с той поры живет земля Мещерская. О злом Коваре толки ходят, а он все ворожит, все неволит христианский люд, монахов бьет, княжьей власти не признает.

– Тебе только холопов потешать! – гаркнул Евпатий, тем не менее дослушавший до конца заунывный рассказ Ратмира. – Детки малые такой сказке порадуются, да только нам не до сказок нынче.

Криво ухмыльнувшись, Ратмир отвернулся от боярина-воеводы и поравнялся с конем Александра.

– Сказки или нет, княже, да только не один Кузьма такое поведал, а и прочие чуть ли ни слово в слово повторили. Я бы и сам не поверил, если б Кузьма не показал, как его стальные оводы да шершни жалили да резали. Всю грудь посекли, все лицо с левой стороны пожгли. На одно ухо стал Кузьма туг, на один глаз слеп. Коротает свой век в убогости, страхе, и не воин он боле, а жалкий набожный старик, абы как уцелел с божьей помощью. Да не о нем сказ, Коваря того беречься надо, раз сыщем. Коль и есть он тот зверь-оборотень, про коего сказывают, так мы это сразу узнать сможем. Святой воды да с распятья прыснем, и сгинет нечистый! Все его гнойное стойбище окропим, пожжем.

– Ты в своем уме, Ратмир? – Возмутился молодой князь. – Если он Юрия с дружиною одним махом с землей сровнял, то от нас и мокрого места не оставит. Или думаешь, Юрий бы побрезговал щиты да копья освятить?! Отец мне велел посмотреть, что да как, и уж потом решать станем, злыд тот Коварь иль только слухи о нем от завистников да скоморошьи кривотолки. А случится нам, что литовцы да чудь пойдут походом, там не до гордых речей будет, лешего под копье поставишь, лишь бы не посрамиться. У тех немцев на жирный край глаз наметан, у них и сушь-то, видать, хлеще нашей, и голод, и мор, вот они и встрепенулись, клинки навострили. Худо станет – и Коваря на ратный бой звать будем, если он и вправду так силен, как о нем сказывают, а там чернецы да монахи замолят грехи наши. Вот мне велено посольством к нему явиться да разговор повести. А тебе лишь бы побоище устроить, Ратмир! Мордвы тебе мало было, когда вместе с ладьями их жег, а тех, что на берег выходили, рубил с плеча, лошадьми топтал! Я хоть и мал тогда был, а помню ту переправу! В бой тебя пускать – только греха набирать. Да и не сильно-то я верю тем сказкам, что твой Кузьма сказывал, он кто есть? Мужик, десятник, его сказки что воробья щебет. Сам все должен увидеть!

Август, жара, сушь; два дня как еле совладали с начавшимся было пожаром на болотах. А тут еще и праздник затеял. Но оставлять День десантника неотмеченным – это не дело. Тем более народ в крепости так уработался с начала лета, что хороший отдых никому не повредит. День десантника в узком семейном кругу я отметил еще второго августа, как положено, но вот на пару недель конца месяца я назначил всеобщие гуляния, приурочив их, так сказать, к дате.

Купцы к этому времени уже успели хорошо заработать, пристроить свежий товар на моих складах и теперь только подсчитывали барыши, сидя в гостином дворе. Три года ушло на то, чтобы сделать все, как задумывалось в генеральном плане. Отдельно стоящий, но от этого не менее укрепленный гостиный двор, куда вход был свободный для любого, за несколько лет значительно увеличился в размерах. Этот отделенный участок фронтальной части крепости за невысокой первой оборонительной стеной я называл карантинной зоной. С моей паранойей к всякого рода инфекциям приходилось делать все возможное, лишь бы только не позволить заразе проникнуть в сердце цитадели. Комплекс бань в гостином дворе как раз был создан с целью профилактики и негласного осмотра всех прибывших. Плюс вода, что грелась в тех банях, была с добавлением щелочи и солей хлора. Баня была возведена в культ. По поводу и без повода, утром, вечером и даже ночью можно было идти в баню за символическую плату, там и еда была дешевле, и пиво заметно крепче, и горячие напитки с лечебными травами.

С каждым годом забот все больше становится. Крепость растет, проблем только добавляется. Налаженное производство требует огромного количества ресурсов, присмотра. Я и мэр образовавшегося города, и директор заводов и фабрик, и управляющий, и судья, и генерал, и главный архитектор, и генеральный конструктор. Я же и ученый, что на несколько дней может закрыться наглухо в своей лаборатории, стараясь сдвинуть буксующий то и дело технический прогресс.

Вот вроде бы нехитрое на первый взгляд новшество – механическая косилка, а сколько шуму было вокруг этого устройства. В первый день, как раз в начале июня, когда я только выкатил ее из мастерской, даже видавшие виды кузнецы ахнули и попятились. Да, на вид – страшилище. Широкая боевая колесница с острыми ножами. Первым делом мои бригадиры цехов решили, что так оно и есть, но когда я объяснил, в чем суть устройства, начались долгие прения на этот счет. Так бы этот спор и зашел в тупик, если бы не дед Еремей, который,

уже зная меня, предложил просто провести полевые испытания данного устройства. Сказано – сделано. В громыхающую железную повозку запрягли двух волов и вывели на луг, уже готовый под сенокос. В обычной своей работе бригада косарей из десяти человек трудилась бы на этом лугу от рассвета до заката, то и дело отвлекаясь то на перекуры, то на правку кос, то на обеды. А тут гребенка ножей, приводимая в движение от колесного привода, срезала весь луг меньше чем за два часа, и то если учесть вынужденные остановки и неизменные настройки агрегата. Проверив устройство в действии, умудренные опытом полевых работ селяне решили, что вещь добрая и полезная. Для пущей уверенности пригласили священника, поставленного в Железенке епископом Алексием, который, не очень-то вдаваясь в подробности, после двух кружек пива и недолгой демонстрации должным образом освятил штуковину. Волов и возницу в едином порыве окропил святой водой, благословляя на работу.

Урожай в этом году будет не ахти какой, но у моих так и не оторвавшихся от земли крестьян в распоряжении целых три косилки, с помощью которых они уберут зерно в считанные дни практически без потерь.

Мне требовалось много помощников. Людей, которым бы смог довериться я сам и которых уважали бы селяне и жители новой крепости. Обычно приходилось выбирать из старейшин, глав родов, еще тех упертых маразматиков и консерваторов, но без их помощи дело бы вообще не двигалось. Мой авторитет коваря был вне конкуренции. Все, что выходило из моей мастерской или лаборатории, всегда проходило тщательную проверку так называемой приемной комиссии в составе старейшин и только после этого пускалось в дело, по ходу обрастая самыми нелепыми слухами. В промышленных цехах старейшины имели на меня меньшее влияние, чем мастера, заведовавшие производством. Я строго спрашивал за качество, а с новыми технологиями не торопился, видя, что уже наработанные схемы отлично воплощаются и дают стабильное, прибыльное производство.

Выйдя на площадку у основания центральной башни, к слову сказать, еще не достроенной и запущенной, я прошел по пандусу вдоль стен и направился к внутреннему торговому ряду, где могли вести дела только купцы или их представители, прошедшие карантинную зону внешнего двора. В моих руках был новый образец оконного стекла, который я намеревался показать торговцам. Продавалось стекло лучше любого оружия, стоило примерно так же, как железо. Причем и оконное стекло, и всевозможные изделия из стекла стоили примерно одинаково. Булгарские, суздальские, муромские и владимирские

купцы увозили их большими оптовыми партиями. Приходили лодки и из Чернигова, Переславля-Залесского, даже новгородский купец избавился от части груза, пристроив его на мои склады, лишь бы прихватить побольше стекол.

…Наперерез мне, вверх по лестнице, бежал Девятко – младший сын нашего конюха, который вот уже год как состоял во внутренней почтовой службе, организованной мной. Девятко, размахивая донесением и торопясь ко мне, ловко перепрыгивал через ступеньки.

Я терпеливо дождался, когда мальчишка настигнет меня и переведет дух.

– От Мартына, сотника, донесение, батюшка.

– На словах передай, – велел я, не утруждая себя разбирательством невнятных каракулей Мартына.

– Пришел с разъездом молодой князь Александр, сын Ярослава Всеволодовича, по приглашению, испрашивает разговора с тобой, батюшка. Дружина при нем – два десятка, с мечами, саблями, в легкой броне, с щитами и пиками. У трех ратников булавы железные, щиты все с христианскими знаками. Им навстречу вышел священник, отец Никифор. Гости крест, поднесенный им, целовали, а новгородские купцы все как один наземь повалились, признав молодого князя. Спрашивает сотник Мартын, что велит батюшка делать.

– Передай Мартыну (да запомни все, как скажу!): пусть примет гостей достойно, плату не берет. Устроит в боярском гостином дворе на постой, с угощением и баней. Еремею передай, пусть глаз не спускают и бдят. До завтра принять их не смогу, в мастерской закроюсь, никого к себе пускать не велю. Завтра к полудню приму молодого князя в сопровождении одного ратника, но не больше. Во внутреннюю крепость не пускать никого! Еще не хватало мне высокопоставленных шпионов самому по крепости водить да потешать, – добавил я, уже понимая, что последнюю фразу Девятко принял к сведенью, но передавать не станет. Смышленый мальчишка, с таким старанием далеко пойдет.

Вихрем слетев с лестницы, Девятко бросился к воротам, вытаскивая на ходу медальон для прохода через пост охраны. Хотя его, курсирующего через

крепость в день по сто раз, пропустили бы без проблем, но порядок есть порядок. Пропускная система в крепости строжайшая.

То, что князья одного за одним шлют ко мне своих представителей, факт вполне ожидаемый и предсказуемый. По донесениям моей разведки, год выдался для наших краев тяжелый.

В северных землях дожди. Наводнения уничтожили большую часть урожаев да кормов, а на юге, напротив, сушь стояла такая, что впору хоть кочевать крестьянам со скотом, как кыпчакам или половцам, которые в последние годы осели да присмирели. Знают князья да ставленники, что лакомый кусочек нынче моя крепость. Что всех купцов у земель суздальских да владимирских отнял. От Коломны до Москова распустил агентурную сеть, непрерывно шлющую донесения о состоянии дел. И бояре, и князья, и епископы – все хотели получить доступ к сокровищам крепости, бывшей некогда никчемной деревушкой Железенкой, да вот только не было никакой возможности проникнуть в нее и подсчитать, сколько складов, сколько припасов, сколько оружия и войска. Никто точно сказать не мог. Да и осмыслить такую мощь далеко не всякому под силу. Тут большая часть производства держится только на неведомых доселе технологиях, секреты которых понятны только мне. А без производства крепость умрет, словно ее и не было никогда.

Семь лет промелькнули как один миг. Словно по волшебству выросли в глухом лесу непреступные стены цитадели с опоясывающими ее оборонительными редутами и рвами с башнями и воротами. Семь лет строительства глубоких погребов, ледниковых хранилищ, тайных проходов, систем канализации, водоочистки, сложнейших комплексов механизмов, да таких, что слухи не успевали расползтись по округе, как все уже опять менялось и перестраивалось.

Коренное население крепости составляло пять с половиной тысяч человек, все остальные, а это примерно еще три тысячи, занимали гостиный двор и торговые ряды. Менялы, торговцы, крестьяне, идущие с обозами товара на обмен или продажу. Постоянной дружины пять сотен человек, великолепно вооруженные, тренированные, проходящие постоянную подготовку профессиональные солдаты. Башенная артиллерия, два взвода военной разведки, стрелки, сигнальщики. Каждый владеет оружием на уровне мастера, рукопашный бой, стрельба, верховая езда. Основа активной обороны – танковая бригада. Три самоходные, десантные, бронированные установки, досконально изученные экипажем в процессе постоянных тренировок, но еще не прошедшие реальных

боев. Нет и, наверное, не будет еще долгое время армии или рати, способной взять штурмом эти стены. Я даже учел такие незначительные мелочи, как возможное предательство, и продублировал запорные механизмы железных ворот таким образом, что одному человеку будет не под силу их открыть. И это при условии, что главный рычаг механизма был спрятан так надежно, что о нем знали лишь немногие посвященные.

Шлют князья своих посланников, чтобы те убедились в правдивости слухов. Кто боярских детей, кто самих бояр, а вот некто Ярослав Всеволодович так своего сына не побоялся отправить, видать, совсем плохо у князя с доверенными лицами. Что ж, пусть знают, с кем имеют дело. Мое положение очень выгодно своей открытостью. Смело рассказывая прочим о собственных достижениях, я тем не менее остаюсь так же недоступен, как и был. Разгадать технологии, внедренные мной в производство, людям этого времени будет не под силу. Да и притом широко разветвленная сеть разведки и служб безопасности, возглавляемая неугомонным Еремеем, надежно оберегала наш покой.

Взглянув на башенные часы у малой площади внутренней крепости, я понял, что идти с образцом стекла в лавку нет никакого смысла. Отложу до завтра. Производство и так захлебывается от моих постоянных нововведений, от непрерывных поправок в процесс, что лишний вывих в мозгах мастеров не пойдет им на пользу.

Товар и прежнего качества летит нарасхват, его заказывают вперед, устанавливают очередность, так что я вынужден порой повышать цену или выбирать постоянных, надежных заказчиков. Рынок – ничего не поделаешь. Буквально, пять дней назад поступило донесение о том, что мой цех по производству валенок в Рязани при дворе боярина Дмитрия выработал весь запас шерсти и кож и теперь до следующей стрижки будет находиться в вынужденном отпуске. Прошлую зиму выброшенные мной на торговые ряды валенки продали все, до единого. Дешевая и теплая обувь, очень практичная и долговечная, пользовалась огромным спросом. К сожалению, этот секрет мне не удастся долго удерживать в тайне, от кустарей и мастеровитых селян, так что надо быть готовым к тому, что в ближайшее будущее товар не будет приносить ожидаемого дохода, и я потеряю монополию в этой области.

Забавляло только то, что валенки, раскупленные прошлой зимой, были наречены людской молвой в мою честь «коварьки». А это бренд, сам по себе стоящий немало. Войлочные сапоги считались моим изобретением, и ворчание восточных

купцов о том, что подобная обувь им давно известна, не находила поддержки. Коварь был авторитетом, к которому можно обратиться за помощью, за разъяснением, за работой или защитой. Самоуверенные бояре, окруженные многочисленной неплохо вооруженной свитой, порой наезжали с намерением вернуть своих людей, но почти всегда получали от ворот поворот. По моим законам, а точнее пока что только понятиям, к которым все привыкли очень быстро, всякий беглый, если он только не преступник, что еще требовалось доказать, пришедший на гостиный двор и высказавший просьбу о работе в крепости, получал защиту и мог надеяться на выкуп. Я давно столкнулся с необходимостью создать более точный и тщательно прописанный свод собственных законов и правил, но все как-то руки не доходили. В крепости действительно существовали понятия, причем мною же самим попираемые в особых случаях, но большинство работников и жителей такие условия существования вполне устраивали. Все же более мягкие и более чем демократичные, нежели те, что видели крепостные у княжеской знати да бояр. Служба безопасности плотно опекала всех новых людей до тех пор, пока не убеждалась в их благонадежности, и только тогда определялся статус пришельца.

Спустившись к пристани, на сухую верфь, я заглянул в плотницкие цеха, где пара оставшихся как бы сверхурочно за какую-то провинность молодых мастеров доделывали работу.

– Доброго дня, мастер, – проговорили оба плотника чуть ли не хором, отложив топоры, демонстрируя мне пустые руки.

– Успеете до осени сделать лодку? Много ли еще работы? – спросил я, ответив коротким кивком на их приветствие.

– Делаем на совесть, мастер, как и было велено, с тройной прочностью. Доски шьем еловыми корнями, гвоздями, самой отборной древесины не жалеем. Добрая будет ладья. Вот только не возьмем в толк, мастер, как же мачту крепить? Ни заруба нет, ни подложки.

– Мачта и весла этой ладье не требуются. Сама по воде пойдет, и по течению скорей парусной, и против течения, как ни одна ладья еще не хаживала.

Услышав мои слова, тот плотник, что был помоложе, отпрянул и перекрестился, а более старший лишь довольно ухмыльнулся, уже зная, на что способен Коварь.

С того момента, как в моем цеху появилась новая, значительно усовершенствованная версия токарного станка по металлу, я смог изготовить прототип паровой машины для маленькой лодки и отдал ее в пользование разведчикам, предварительно потратив уйму времени на обучение. Для большой лодки уже был готов мощный паровой двигатель, на производство которого я потратил почти всю прошлую весну и лето. Израсходовал самое лучше железо и медь, но ни секунды не сомневался в том, что подобное изобретение себя оправдает. Используя реку как транспортную артерию, я смогу в короткие сроки сам отправиться в дальние земли, по Волге, к Каспию или к Москве и Переславлю-Залесскому для решения торговых вопросов, доставки грузов, а случись что, так и для военного десанта. С медлительностью и тщательностью корабельных мастеров я уже и не надеялся в этом году испытать паровой двигатель на воде. Тем более что уйма времени уйдет на отладку систем управления, покраску, оборудование, гидроизоляцию. В будущем эта лодка станет грозным оружием, и тогда мои владения расширятся еще больше.

Проводив меня долгим взглядом, мастера вновь принялись за работу, о чем-то тихо перешептываясь. Нетрудно было догадаться, что молодой спрашивает у старшего, как Коварь собрался двигать огроменную лодку без бурлаков и без паруса. На что тот, умудренный опытом, ему ответит уклончиво, но с гордостью, что, дескать, как повелит Коварь, только слово скажет, так и вода в реке вспять пойдет.

Я уже и не утруждаю себя разжевыванием подробностей даже для мастеров. Они привыкли не задавать вопросов, исполняют, что велено, получают свой доход, бед не знают, вот и работают под присмотром самых толковых и преданных мне людей, не засоряя себе голову смутными догадками о злом или добром колдовстве своего благодетеля. Большая загруженность многочисленными делами выработала во мне особый стиль поведения на людях.

Отрывистые, четкие распоряжения. Беспрекословное их исполнение. Максимально короткие сроки – вот главное, что ценилось в окружавших меня многочисленных помощниках, отвечавших за различные участки многоукладной жизни крепости.

Домой возвращаться было легко и спокойно.

Образовавшийся вокруг моего скромного жилища двор жил собственной, не зависимой от меня жизнью. Окружавшие Ярославну няньки да тетки, родня да дворовые люди были, пожалуй, самым консервативным населением крепости. В их сознании ничего толком не изменилось. Я для них был новый хозяин, и любые уверения в том, что все они свободны, что могут выбрать себе дело по душе, не имели ровным счетом никакого успеха. А как появился Димка, так бабки да няньки стали ходить за ним гуртом, зорко приглядывая за наследником, оберегая его от чуждого им мира грохочущих механизмов и гремящего оружия, но не тут-то было – Дмитрий Артурович весь в меня уродился. Беспокойный и непоседливый, он пытливо изучал окружающий мир, невзирая на запреты.

Ярославна стояла под навесом во дворе, собирая на стол ужин, подаваемый тетками да бабками с летней кухни. Аким-калека, бывший во дворе боярина истопником, готовил самовар, подбрасывая сосновые шишки в гудящую топку. Димка сидел за столом, ковыряясь ножом в куске мяса, который поставила перед ним мама.

– Папка пришел! – закричал Димка, увидев меня, и, бросив нож на стол, побежал навстречу.

– Ну, привет, оболтус! Что сегодня учудил, рассказывай. Сам не расскажешь, няньки да бабки мне на ухо нашепчут!

– Я себя хорошо вел! – заявил Димка, чуть картавя, выворачиваясь из моих цепких рук. – Игорешка приходил со мной в прятки поиграть, так я лбом стукнулся, когда под сарай полез. – Сказав это, Димка продемонстрировал мне небольшую ссадину на лбу и задрал штанину, показывая здоровенный синяк на голени. – А это мы с ним потом в «битое поле» играли. Я его по плечу мечом, а он, хитрован, ударил нечестно, когда уже упал, и жикнул по ногам.

– Ну, это не страшно, это тебе урок, чтобы знал, что не всегда в жизни все честно поступают. Игорь, он ведь твой брат, и старше, вот и поучает тебя, чтоб знал больше.

Когда у вдовой Ефросиньи, невестки Еремея родился сын, дед, как и обещал, назвал в честь своего сына Игорем. Ярославна такое родство приняла на удивление спокойно, мало того, сама часто приглашала Ефросинью как лучшую подругу с детишками в наш двор, чтоб Димке одному не скучать, да и ей было

бы с кем поболтать. Сам дед Еремей, хоть и стар был уже, держался на вверенной ему должности с завидным упорством. Только благодаря его стараниям я знал все, что творится вокруг крепости на соседних землях.

– Больно было, пап, может, я доспех себе сделаю? Как у тебя – железный.

– Мал ты еще доспехи носить да делать, а вот кольчугу я тебе отдам, чтобы завтра, как на праздник пойдем, было тебе в чем на людях показаться, и пояс, и меч на праздник надеть позволю. Но знай. Если ты доспех наденешь в игре, то и Игорешке, стало быть, придется в брони облачиться.

– Эдак я его вовсе не достану.

– А вот будешь есть хорошо, все, что мама тебе на стол подает, вот тогда сил у тебя и прибавится, а то сидишь, как бирюк, ножом мясо ковыряешь. Его мухи быстрей съедят, чем ты сподобишься. Смотри, Димка, – пригрозил я, – хилым будешь, немощным, коль от каши нос воротишь.

Услышав это, Димка вывернулся и бросился к столу доедать все, что ему дали. А я подошел к Ярославне, крепко поцеловал, бережно погладив уже заметно округлившийся живот.

– Бедокурит небось весь день, пострел? Вон как за лето вымахал.

– Да весь в тебя, шалопай, только и успеваем его то из мастерской твоей выгонять, то из оружейной. Ты бы хоть запоры покрепче там сделал, что ли.

– Ты за это брани, да только не сильно, а в мастерскую да оружейную пусть мальчишки заглядывают, – прошептал я ей на ухо. – Ведь нарочно делаю, чтобы оба сорванца видели, как я дверь запираю и где ключи прячу.

– А как поранятся о твое оружие, или того хуже…

– Только умней станут и поймут, что неспроста запрет. А коль обойдется, то интерес так и останется.

– Слышала я, что явился к тебе опять какой-то княжий отпрыск рыльцем вынюхивать. Еремей вон всполошился, людишек своих собрал, все шепчутся.

– Принесла нелегкая какого-то Александра Ярославовича. Кто таков, не ведаю, да только придется мне с ним быть любезным. Пусть сегодня с дороги в гостином дворе попируют, а завтра с полудня устрою ему экскурсию по крепости, чтоб потом батюшку своего забавлял дивными сказками про Коваря-нечестивца.

– Плюнь на дела, о себе позаботься, вон исхудал как от дел. Я ужин третий раз ставлю, все не идешь. Может, в ратном деле и не мое разумение, да только на рынке все купцы как один говорят, что такой крепости отродясь не видели. И что стены высокие, и что башни крепкие. За свой товар все пекутся торговые люди – жмутся к нашим стенам. Как ты и сказывал, чуют видать скорых гостей-ворогов.

– Как ты здесь без меня справляешься, солнце мое? Тяжко одной?

Застенчиво улыбнувшись, Ярославна присела на край лавки, теребя в руках полотенце.

– Да с Димкой заскучаешь разве? И по дому дел, хоть и с помощниками, а все меньше не становится. Маланья на неделе второй раз как погреба перетрясает. Все заботится, чтобы в зиму припасов было вдоволь. – Тяжело вздохнув, Ярославна подтянула к себе Димку, закончившего трескать цыпленка, вытерла ему руки и лицо и отпустила бегать во дворе. – Было время, еще до того как ты к нам в город явился, на батюшкин двор, что голод да разорение в дому были. Батюшка все по княжьим поручениям, а в дому постная каша да квашеная капуста. Мы с няньками да сестрами тогда в лес собирались по грибы. Наберем, бывало, большие кузова да до дому еле тащим и радуемся, что к батюшкиному приходу пирогов сделаем. Один кузов няньки меняли на масло, а в соседнем купеческом дворе из курятника таскали яйца. Муку пополам с трухой да опилками сеем да тесто с отрубями да обратом ставим. Не сыто с батюшкой жилось, бросал он дела домашние. Тебе спасибо, что увез меня из дому. С тобой бед не знаю, в сытости с припасами, в шелковых рубахах да ситце, с золотыми гривнами, ни в чем от тебя отказа не знаю. Да люди мои все при деле, под крышей, за работу, за хлеб тебя благодарят.

– Не себе я эту крепость готовлю, не в свои закрома товары дорогие на содержание беру. Хочу отвести большую беду да покончить с кровавыми бойнями, что князьки меж собой затевают. Но только скажи, в один день все брошу, соберу детей да людей, и уйдем, куда скажешь. Хоть на юг, в Этиль, к морю, хоть на север, к Новгороду. Пожелаешь – так и вовсе к варягам или за сто морей в дивные края.

– Мне там хорошо и спокойно, мой милый, – промурлыкала Ярославна, – где ты. Делай, как сердце велит, а я с сыновьями твоими тебе в подмогу. Вскормлю, взращу достойных наследников.

Маланья принесла из погреба квашеной капусты, соленых грибов и водки. Идя через двор, пнула задиристого хохлатого петуха, который уже давно нарывается на отдельный вертел в коптильне, и, выставив на стол угощение, присела рядом, подтягивая поближе вязальные спицы с клубком шерсти.

– Ужинайте, батюшка, – сказала Маланья спокойно и с улыбкой, не отрывая взгляда от вязания. – У вас, батюшка, крепость большая, а наша забота удержать ваш дом – крепость малую.

– Пап, расскажи сказку, – попросил Димка, натягивая одеяло до плеч.

Ярославна только приглушила фитиль лампы на столе и вышла из комнаты, оставляя нас наедине.

– Ну, хорошо, – согласился я, устраиваясь поудобней на лавке у окна. – Время позднее, так что сказка моя будет не длинной, договорились?

– Угу, – согласился Димка, и глаза его азартно загорелись в предвкушении новой истории.

– Случилось это однажды в каком-то времени в далеком племени, где люди жили не богато и не бедно, просто сами по себе, никому не рабы, никому не господа-хозяева, своих духов-предков, отцов-покровителей почитали. Но пришли к ним по морю иноземцы, злые да жадные. И узнали иноземцы, что у того племени и посуды золотые, и монисты золотые, и боги их золотом одарены, и предки их на

золоте почивают. И земли у того племени были богатые да добрые, не бывало там зимы и стужи, только солнце жаркое да дожди с радугами. И были люди того племени от палящего солнца темны, как всяк, кто летом под солнцем работает. Жадные иноземцы решили взять все добро у племени, где обманом, где силой, где злой волей. «Много у нас золота, – говорят люди племени, – берите, нам не жалко». И взяли у них все золото иноземные люди. И захотелось им тогда еще и добрые земли забрать у людей племени. «Берите, сколько надо, – ответили люди племени, – у нас много, нам не жалко». И взяли иноземцы жадные все, что только смогли охранить. И возгордились своей хитростью да удалью, обрадовались, что так легко обманули людей племени. Все у них взяли, ничего в обмен не дали. «Устали мы на ваших землях жирных работать, – сказали злые иноземцы. – Идите-ка вы теперь за нас поработайте, люди племени, а потом мы с вами сочтемся».

Но обманули иноземцы добрых людей. И за работу им не заплатили, и золото у них отобрали, и земли их присвоили, да еще и должниками сделали.

Пытались тогда люди племени возмутиться да взять свое обратно, да куда там, пришло иноземных людей тьма. И выгнали они людей племени в худые каменистые степи да ледяные горы, где даже травы не растут и чахнут. И били они их, и убивали, и рабами и должниками делали.

И решили тогда люди племени поговорить со своими предками, поговорить, совета спросить. И ответили предки из своих могил, чтоб не беспокоились люди племени за землю свою, за волю свою. Пусть, сказали предки, живут иноземцы, как им хочется, да пусть себе думают, как разумеется. И ушли люди племени и спрятались, чтоб найти никто не мог. С тех пор остались жадные иноземные люди сами по себе, и не осталось им ничего, как самих себя обманывать, как самих себя убивать да грабить. С тех пор живут они в раздоре да бедах, от своей же жадности да глупости страдают да болеют. А мудрые люди племени спрятались далеко-далеко и бед не знают, своих отцов да духов-предков почитают, как и прежде. Потому что не в богатстве счастье, не в жирной земле плодородной, не в золота блеске, а в великой мудрости. А если человек мудрости не слушает, то всю жизнь так и живет в нищете.

– Так мудрость – это богатство такое? – спросил Димка уже почти сквозь сон.

– Мудрость, она не каждому дана и дороже золота любого и камней самоцветных. Пусть нет у кого-то ничего, только одежды, но если мудр, то

богаче прочих князей да бояр, купцов да менял. Мудрость – самое дорогое сокровище на земле.

Из последних сил дослушав мою путаную историю о том, как происходила колонизация Америки, в иносказательной, вольной трактовке, Димка уснул. Уставший от дневных игр, от массы впечатлений, в свои пять с небольшим лет он даже не представлял, что бывает какая-то другая жизнь кроме той, что была в крепости. Ему, наверное, казалось, что всегда так было и так будет.

В тишине спальни было особенно слышно, как внизу, во дворе, конюх да няньки ворчат на кого-то настойчиво колотящего в ворота. Я не питал иллюзий на сей счет и почти на все сто был уверен, что дело срочное. Иначе никто бы не посмел явиться ко мне в такое позднее время. Должно было произойти что-то настолько важное, что ни один из моих начальников, ставленников и сотников не мог принять решения, не спросив моего совета.

Наум стоял у калитки, теребя в руках жетон пропуска. Рядом с ним мялся тщедушный старикашка, судя по виду, булгарский купец. Одет был не броско, но добротно. Оружия не носил. Я припомнил, что раз или два видел его в портовой части крепости, но лично не беседовал.

– Что стряслось, Наум? Ночь на дворе, а ты бедокуришь. Случилось что?

– Это Каяс, знакомец Рашида Итильского. Пришли к нему с вестью два битых гонца. Один без руки, второй плетьми посечен. Плачут жалуются, что у Вороньего мыска напали на их караван сотни три разбойников. Зажгли лодки, а пока гребцы пожар заливали, взобрались на борта и взяли все. Кого из гребцов не убили, того в плен взяли, в реке утопили. Купца и приказчиков зарезали и в воду бросили. Говорят гонцы, что половецкие то были люди. А еще сказывают, что вроде как на берегу их верховые ждали.

– И много всего взяли?

– Три корабля!

– Три корабля! – подтвердил старикашка Каяс, нервно теребя в руках костяные четки. – Три десятка бочек желтой земли, два десятка бочек земляного масла. Белого песка сто кувшинов. Казарскую медь. – Брюзжащий и напряженный голос

Каяса был еще более неразборчив по причине жуткого акцента и отсутствия передних зубов, но я сразу понял, что это именно те три корабля, которые шли с моими заказами. Большая часть совершенно необходимых составляющих для пороха и горючих смесей, тот дивный товар, который мне везли с юга, определив невысокую цену, потому как не знали, на что могут сгодиться такие странные, на взгляд многих, вещества. Для меня же это были стратегические запасы. Основа моей нынешней и будущей военной мощи. Наполнители для ракетных установок и бомб. Топливо для некоторых мастерских и расходные материалы для лабораторий.

– Еремей в курсе? – спросил я Наума, разглядывая звездное небо над верхушкой недостроенной башни.

– Он уже отправил разведчиков. На быйдарках пошли, – скривил Наум рот, произнося непривычное слово. – Еремей велел узнать, как поступить, собирать ли отряд, чтоб товар отбить, или еще что…

– Собирать, что еще! Да побыстрее! – выдохнул я, сдерживая ярость и добавил раздраженно: – До Вороньего мыса, небось, только к утру и поспеем.

Если налетчики не полные дуроломы, скоро поймут, что товар им достался, мягко говоря, не жирный. Да и корабли, я думаю, жечь не посмеют. Скорее попросят выкуп за свою добычу. Вот только я переговоров с террористами не веду, и потому пусть насладятся последней ночью в своей убогой жизни.

Или от незнания, или по чужому наущению, но накликали безвестные налетчики на себя большую беду, сами, наверное, об этом не догадываясь. Проку им с той добычи никакого, а вот биты будут, как за добрый товар. Да и прочие купцы знать станут, что со мной шутки плохи. Это не столько спасательная экспедиция, а скорей поддержание авторитета. Обычно подобный товар по моему известному списку везли в крепость купцы небогатые, порой отчаявшиеся. За серу и селитру, за нефть и дешевую медь и свинец платили мало. А порой и вовсе не считали товаром, достойным внимания и долгой перевозки. В моих же торговых рядах такой товар уходил оптом и за хорошую монету, так что давал шанс откупиться и набрать что-то из моих диковин в обмен на обратную дорогу. Уж не знаю, сколько купцов я спас от разорения таким образом.

– Давай-ка, Наум, кличь пятерых стрелков, из своей группы с короткими, малыми ракетами. Сам пойдешь, и я пойду…

Прикрыв ладонью в тяжелой кольчужной перчатке рот, Наум тихо шепнул:

– Оборотня звать будем? – и покосился на старика, который словно впал в ступор от свалившихся на него напастей.

– Нет, справимся сами. Негоже по пустякам такую силищу, тревожить.

– Их три сотни, батюшка! Как же так! Пятерых стрелков?

– А ты что же, без рук, что ли? А я? Да увидят наши с тобой рожи бородатые – так испугаются, что потом до могилы икать будут. Да и разведка впереди уже готовит место. Сдюжим. Распоясались разбойники, пора проучить сволочей.

Уже привычная к ночным визитам, совершенно не беспокоясь за мою безопасность, Ярославна помогла собраться, надеть броню, принесла из сундука в моей комнате оружие и плащ.

– Доброй дороги. Не посрамись, не лютуй, а то я тебя знаю. Да Мартына с Наумом придержи, не множь дурных толков, что, дескать, ратники твои как есть бич божий, кара небесная.

Спустившись в гостиный двор, я находился в неприятном ожидании ночной верховой прогулки, обещающей стать утомительной и долгой. Моя нелюбовь к верховой езде вынудила изготовить страшное на вид творение, чем-то напоминающее английскую двуколку викторианской эпохи на мягких стальных рессорах, закрытую от непогоды. Долго путешествовать в такой колеснице можно только по хорошей дороге, но зато в ней куда комфортнее, чем в седле. Однако сейчас не до комфорта. Да и трястись в этой колымаге ночью нет никакого желания. Отбить свой товар у налетчиков будет просто, если мы поторопимся и сумеем застать их врасплох.

Идя у меня за спиной, Наум вдруг прибавил шагу и вырвался вперед, вынимая из ножен излюбленный эсток. Из полумрака гостиного двора, подсвеченного

рыжими огнями масляных фонарей, нам навстречу вышли трое. Впереди невысокого роста, довольно щуплый ратник в легком доспехе, чуть позади него – молодой, совсем еще мальчишка, не броско, но добротно одетый, замыкал троицу плотный, пузатый крепыш с окладистой пепельной бородой.

Наум перехватил меч для ближнего боя, непривычно для прочих взяв его в левую руку обратным хватом. Закована в железо у него была только правая рукавица.

– Прочь с дороги! – проревел Наум, нависая громадной массой над застывшими перед ним людьми.

– Мое имя Ратмир, – торопливо представился щуплый, снимая с головы засаленный стеганый подшлемник, и немного попятился. – Прибыл с князем моим Александром Ярославовичем и данником Всеволода Ярославовича боярином Евпатием Коловратом по приглашению на празднование в крепость торговую, о которой многое сказано…

– Короче не изволите? – поинтересовался Наум, немного разочарованный тем, что не состоялась драка.

Вперед вышел мальчишка, выставив руки в боки, выпятил грудь и чуть оттопырил нижнюю губу.

– Непривычен княжескому сыну отказ в почести меньшей, чем имя моего батюшки достойно. Прежде чем принять батюшкиных посланцев как подобает, потчуют их с прочей челядью в общем дворе. Хорошо хоть, на конюшне почивать не предложили. Негоже хозяину так гостей принимать.

Голос у мальчишки был как раз в стадии ломки; видно, только-только стала пробиваться хрипотца. Он еще не научился как следует ставить нужные акценты, и потому все его заявления больше показались жалобным нытьем, а не нотой протеста.

– Рылом еще не вышел, княжий отпрыск, мне, Коварю, указывать, как подобает.

– Да за такие слова тебя лошадьми рвать! – заорал было взбешенный таким дерзким ответом пузатый боярин Евпатий, да почуяв на незащищенном брюхе холодную сталь, осекся.

Наум демонстративно поднял правую руку и сложный пружинный механизм в наруче с еле слышным щелчком скрыл короткое лезвие под узорным щитком. Оторопевший молодой князь и враз протрезвевшие его провожатые отшатнулись и схватились руками за рукояти мечей.

– Некогда мне с тобой, юнец, тут препираться. Не нравится, как приняли, – скатертью дорога. А в моей крепости все равны. И селянину, и купцу, и боярину – всем из одной бочки пива подают. Прислал тебя батюшка-князь за мной, Коварем, приглядывать да шпионить, так делай свое дело, вот только под ногами у меня не вертись. А хочешь делом доказать, что имеешь право на другое к себе отношение – поднимай свою хмельную ватагу и айда со мной, делом займемся. Заодно и посмотришь, чем славен Коварь на всю округу. Или струсишь?!

Цыкнув на боярина и дружинника, молодой князь Александр достойно выдержал мою нарочитую грубость и показное неуважение, выставил упрямо ногу вперед, с трудом сдерживая неуемную предательскую дрожь в коленях.

– Мне не впервой в ратном деле участвовать. Бил я с братом Федором и бунты, и варягов пришлых. Засадный отряд под рукой держал, и дело свое знаю. Коль приглашаешь меня, прежде чем достойно приветить, показать, на что гож, то так тому и быть. Пойду с тобой, Коварь.

– Вот это нормальный разговор, сразу видно, воин сказал, а не юнец безусый, – ответил я, чуть сбавляя накал беседы. – Собирай своих, да вдогонку идите, коль поспеете. Мои стрелки резвые, порой я сам за ними не поспеваю.

Сказав это, я прошел дальше, к воротам, где меня уже ждали те самые стрелки, с ног до головы увешенные новейшим вооружением, не более чем месяц назад вышедшим из мастерской и частично мною модернизированным.

Шах и мат, вот что получил возгордившийся было своим мнимым величием княжеский сын Александр. Я не собирался церемониться ни с самими князьями, ни тем более с их отпрысками. Проглотит оскорбление, поймет, что был

поставлен на место, – получит даже большее внимание, чем ожидал. А упрется как бык, обидится, затаит злобу и уйдет восвояси – то так ему и надо, дела-то при этом он не сделает. Поручение отца своего не выполнит. И кто дурак после этого?

По суете раскрасневшегося от натуги и гнева княжеского отпрыска стало понятно, что он семь шкур спустит со своих людей, но отправится со мной, лишь бы доказать, что не просто так тут языком чесал да требовал уважения, которого пока ничем не заслужил. Вот и пусть суетится, пусть наверстывает упущенное. Был бы он постарше, по-иному бы разговор повел, да и на рожон не стал бы лезть, а так, пока молодой, сколько дров еще наломает, пока выучится.

Мы двинулись в ночь по знакомой дороге с надежными проводниками. По моим подсчетам, вылазка не должна была занять много времени и ресурсов. Банда налетчиков, что осмелилась на реке взять три моих корабля, наверняка собралась стихийно, спонтанно. Из беглых людей, из кочевников да обиженных своими боярами дворовых. Сколько их приютила Мещерская сторона – не счесть. От Мурома до Владимира и Суздаля в сушь да в голодные годы сколько дворов обнищало, оголодало, осиротело. Загнала беда людей в тяжкий грех, на лихой промысел, и потому мне нужно было разобраться, кто и зачем это сделал, так что лютовать не стоило. Возможно, если прознают лихие людишки, чей караван взяли, так, случится, и без боя все вернут с извинениями. Ну а если упрутся и в драку полезут, то и пенять потом только на себя и смогут.

Много личного времени приходилось тратить на то, чтобы разрабатывать оружие и боеприпасы. Я считал их постоянное совершенствование важнейшей задачей и не останавливался на достигнутом. Зная надежность и значительную эффективность стрелкового оружия, я понимал, что ставку придется делать именно на него. В моем случае изготовление пушек, ружей и даже мортир было делом совершенно бессмысленным и безнадежным. Во-первых, потому, что я не мог позволить себе тратить столько железа на подобные виды вооружения. Во-вторых, технологически это было дорого и неоправданно. Изготовление одной пушки с достаточным запасом прочности обошлось бы мне примерно в двести килограммов хорошей стали и несколько десятков килограммов дорогого в производстве пороха. Плюс чугун или все та же сталь для ядер, в которые тоже понадобится пороховой заряд. Пушка тяжелая, неудобная для транспортировки, долго перезаряжается, поэтому я сделал выбор в пользу ракетных снарядов.

Технология была отработана еще при обороне Рязани от налета князя Юрия с его сборной ратью. Изготовление тогда еще громоздких и нелепых минометов вполне себя оправдало. Дальность и точность стрельбы, скорость перезарядки, возможность мгновенной смены дислокации и мобильность стрелковых групп не шли ни в какое сравнение с тяжелой пушечной артиллерией. Короткие тактические ракеты не больше пятидесяти сантиметров в длину, со спрятанным раскладным оперением стабилизаторов, толщиной чуть больше пятирублевой монеты, легко укладывались в деревянные ящики, весили немного и заполнялись различными начинками в зависимости от боевой задачи. Кроме того, мне удалось так оптимально сбалансировать пороховые заряды и конструкцию пусковой установки, что подобное оружие практически не давало осечек. Стрелок мог вести огонь из любого положения примерно так же, как это делали в той самой армии, в которой я когда-то имел честь служить. Легкая медная труба пусковой установки ставилась на сошки, треногу или просто на плечо. Стрелок, теперь уже без второго номера – заряжающего, сам вкладывал ракету в боковую прорезь, взводил пружину кремневого курка и одним нажатием на спусковой крючок поджигал фитиль ракетного запала. После этого у него было лишь пара секунд, чтобы окончательно прицелиться, если была в этом необходимость. У такого оружия не было и не могло быть отдачи, оно било точно и сокрушительно. Мобильная версия этой пушки обслуживалась одним стрелком со скоростью до двадцати выстрелов в минуту. Не всякая артиллерия, даже в двадцатом веке, может похвастаться такой скорострельностью. Боезапас стрелка в моей гвардии был собран из расчета примерно сто ракет на одного, если в конном снаряжении. Проще говоря, пять стрелков за пару минут после команды «огонь» должны были превратить в густой фарш из лошадей и всадников вражескую кавалерию в составе более сотни человек. Но, судя даже по самому скромному опыту их применения, никогда и никто не решался идти в лобовую атаку уже после первого, пристрелочного залпа. Таким ошеломительным был эффект. И это далеко не самая главная военная сила, на которую я делал ставку в своей крепости. За пять лет упорного труда в каменных стенах новой цитадели появилось столько новшеств, что вплоть до Первой мировой войны XX века не найдется армии, способной взять эти стены штурмом с наскока. Крепость таила десятки сюрпризов, так что мне не стоило беспокоиться о том, что какой-то местный князек или разбойный упырь с ватагой вздумают прибрать к рукам мои достижения и успевшие накопиться весьма немалые богатства.

Молодой князь с дружиной нагнали нас возле моста через чахлый, заболоченный ручей в тот момент, когда огни крепости уже не были видны.

Обычно резвые лошади не спешили прибавить шаг на темной дороге, да и мы с Наумом не торопились. Далеко впереди рыскала разведка, стрелковое звено тоже заметно вырвалось вперед, так что мы с моим сотником ехали следом лишь для того, чтобы в нужный момент принять ответственное решение и просто проконтролировать, чтобы стрелки не впали в раж и не перебили, кого не следует. Этим отморозкам только дай волю, весь боезапас выпалят, гоняя зайцев по кустам да оглушая лес. Хотя зря грешу на них, ребята толковые, дисциплинированные, свой хлеб отрабатывают упорными тренировками и добросовестной службой по охране крепости.

В составе дружины Александра было всего два десятка воинов. Для него немного, а вот для моей карательной вылазки многовато. Я придержал коня и поравнялся с князем.

– Зачем ты всех-то с собой взял? Мы же не на войну собрались и не кабана загонять. Оставил бы половину, пусть себе отдыхают.

– Я бы, может, и оставил, – согласился Александр, косясь на Евпатия, да только, если отец прознает, что меня, без сопровождения…

– Понятно, – опередил я его предположения и, хлопнув ладонью по крупу коня, ускорил его бег. До Вороньего мыска дорога неблизкая, и я надеялся, что к полудню следующего дня мы выйдем на след налетчиков. Потерять стратегический груз было бы серьезным упущением. Черт с ними, с селитрой и серой, большой потерей стала бы нефть. Вот чего мне требовалось в последнее время все больше и больше. После того как я научился перерабатывать ее, отделяя все возможные фракции, забот прибавилось. Большая часть, как это ни странно, уходила на лекарства и инструмент, смазки, мастики и лаки. Только благодаря нефти у меня появился хороший резак, способный прожигать сталь. Появились растворители и медикаменты, смазки и кислоты. Начинке вооружения доставалась лишь незначительная толика этого ценного сырья.

– Когда я сказал, что отец прислал тебя шпионить за мной, ты, конечно, возмутился, но отрицать не стал. Неужто так легко признаешь, зачем прибыл в мои владенья?

– Зачем отрицать очевидное? – заметил Александр не по-юношески многозначительно. – Не стоило рассчитывать на то, что ты упустишь это из виду.

Тут и скрывать негоже, не по мне это.

– И что ты хочешь знать? Какие из слухов желал бы проверить?

Александр заерзал в седле, а его молчаливый спутник Ратмир громко и фальшиво кашлянул.

– Много слухов, да один диковинней другого. Как знать, каким верить, а каким нет. Я и про крепость твою слышал, что стены высокие, рвы глубокие, ворота железом окованные. А когда приехал, то сам все увидел, как есть. Сказывали люди, что у тебя склады да товар, мастера знатные, диковины заморские. Так все своими глазами видел. Сказывают, что ворожба твоя злая, что волком оборачиваешься. Да то и понятно, что народ скажет с перепугу и не такое.

– С перепугу, – ухмыльнулся я, ловя себя на мысли, что разговариваю с юнцом очень надменно и неуважительно. – Посмотрю я, как ты заговоришь, когда со мной в крепость вернешься. Тебе ведь еще перед отцом ответ держать. Так что мудрей будь, много времени тебе уделить не смогу, дел по горло, так что думай, прежде чем лезть с расспросами.

Негодуя от того, как по-хамски я разговариваю с князем, Евпатий гортанно рявкнул что-то невнятное, смачно сплюнул и рванул вперед, не в силах больше сдерживаться. Ему ужасно хотелось меня осадить, но, не решившись, он вымещал свою злобу на коне, нещадно нахлестывая его. И выслужиться перед князьком охота, и мне перечить не в масть, вот ведь незадача для боярина.

– Монахи о тебе всякое говорят, им доверия больше, чем баянам да скоморохам, что весть о тебе до самого Киева уже донесли. Молвят, что не крещен ты, но храмы не попираешь, сам Аред, да только ни капищ не бьешь, ни святых алтарей. Кто твой бог? Что твое спасение? Перед кем ответ держать станешь за грехи земные, коли наш Спаситель…

– Ну, хватит! – рявкнул я, да так резко, что непривычные к моему голосу лошади в княжьей дружине попятились и захрапели. – Боги, истуканы, капища, храмы. Все приемлю, все имеет право на существование, вот только ответ держать придется перед совестью! Убить – грех, а не убить – так те, кого не убил, тебя убьют. Тоже грех. Где правда, где истина? Я никого насильно не держу. Знаю, что сейчас в далеких степных землях собирается такая армия, какой вольница

эта и не видала. Тысячи воинов, злых и коварных, вооруженных и закаленных в боях, придут на Русь и всех, от мала до велика, обложат данью, пленят и убьют. Разорят земли, сожгут города, станут хозяевами. Князей всех в дворовых псов превратят. И не помогут тогда ни капища, ни алтари, не ведуны, ни монахи с епископами. А только сила, только доброе войско. Сила на силу! Только бы выстоять! Будут идти как саранча. Рвать, убивать, сжигать! Никого не пожалеют! Что тогда скажут твои монахи богословы?

– Да уж если такое тебе ведомо, – удивился князь, – то, стало быть, и избавление ты знаешь.

– Я-то знаю. Все для этого делаю. Убогую, проклятую деревеньку превратил в лакомый кусочек, да такой, что ни одна орда мимо не пройдет, не позарившись. Да вот, выходит, что не только им приглянулась моя Железенка. Уж и местные князья, все окрест, косо смотрят, слюной исходят, соглядатаев шлют одного за одним. Не для них я собираю вокруг себя купцов да людей. Золото да оружие в моих руках не на то, чтобы Киев, опаленный усобицей, взять, Новгород, или другой град. Вот, сушь на юге встала, дожди да разливы север подтопили, голод нынче, мор страшный, а я золота не жалею, чтоб цены удержать, когда за воз прелой репы голодная семья в рабство заморскому купцу единственное чадо отдает. Кто мешает князьку любому в своей земле уберечь народ? Не братьев бить, да войной жечь за земли пядь, а о людях подумать. Не земля в конечном счете кормит князя и всю его рать, а люди, что на той земле живут. А вот по примеру литовских да немецких феодалов не ценят князья русские своих людей. Хуже рабов да дворовых собак держат, обирают до нитки, войнами жгут да голодом морят. Вот их бы бить да поучать!

– Эко тебя разобрало, батюшка, – встрял в разговор Наум, намекая, видно, на то, что, по его разумению, наговорил я уж много лишнего.

А плевать. Молодой князь должен вбить в свою пустую голову, взнузданную гормональным перекосом, что не за свое собственное благополучие я готов драться. Не от жадности гребу под себя каждого, кто ни придет с прошением. И купцов отваживаю от дурных путей да худого торга, когда те, обложенные данью да податями дерут втридорога за простые вещи. Если в Европе сейчас за пряности дают равную часть золота, то на моих рынках к острым дешевым приправам давно уж успели привыкнуть.

С появлением стекла и искусственного освещения мне удалось сделать несколько экспериментальных оранжерей, где прорастают семена самых экзотических растений. Множество восточных пряностей теперь не нужно вести издалека, их вполне достает и в крепости да в крестьянских огородах.

Помню удивление крестьянской семьи, которой я ранней весной заказал целое поле горчицы. Бедный мужик до сих пор, наверное, понять не может, зачем Коварю понадобилось столько бесполезной сорной травы. А когда я заплатил ему за весь собранный урожай столько, что вся семья лет пять может вообще только пировать каждый день, покупая себе все, что только потребуется, мужик и вовсе с толку сбился. Горчица была тоже одним из моих стратегических компонентов. Часть ракетной начинки я делал из порошковой горчицы. Страшней оружие в этом веке даже представить было трудно. Даже напалм, будь у меня возможность изготовить его в нужном объеме, не дал бы такого эффекта, как скромное горчичное зерно, перемолотое в тонкий порошок.

Первое тактическое испытание этого оружия я провел в одной из деревень близ Пронска, где селяне решили устроить самосуд над молодым парнем, который от рождения страдал падучей, а проще говоря – эпилепсией. Разбушевавшаяся было толпа уже теряла над собой контроль, и мое заступничество могло обернуться нешуточной резней, когда я приказал одному из стрелков пустить ракету с коротким зарядом в небо над площадью. Взорвавшись в воздухе, заряд распылил облако желтой пыли, от которой потом вся деревня пряталась, позабыв о былом гневе. Вот когда мы наслушались воплей и проклятий!

И драли на себе одежды, и рвали волосы, слепые, сопливые, обожженные, с раскрасневшимися рожами, ползали по грязи и лужам, вместе с местным дьячком-провокатором, вымаливая у меня прощения. Всего-то горчичный порошок, мелочь, крохотное зернышко, измолотое в пыль и прах, а такой эффект! Иногда не нужно убивать, не нужно колоть и жечь, достаточно лишь напугать, остановить в порыве гнева, и за это не стыдно. И даже рад, что не пустил в расход, что не разорвал на части ударом противопехотных, осколочных зарядов. А уж грех на душу взял или, напротив, благое, богоугодное дело свершил, так то не моя забота, и не мне судить и решать. Эй, вы, слышите? Таинственные и неведомые силы, что забросили меня сюда, – вам расхлебывать все то, что я здесь наворочу!

После того как я позволил себе рявкнуть на молодого князя Александра, тот присмирел, стал подбирать слова, подолгу обдумывал все мною сказанное. Князь или нет, а все равно мальчишка. Пусть и повидал, как сам говорит, больше прочих, и грамоте обучен, да и в боях, судя по всему, действительно участвовал, видно, что к вранью не приучен. Да только возраст у него такой трудный. Он сейчас видит мир только сквозь собственную лупу, сквозь угловатую призму юношеского максимализма. Это почти черно-белый мир, в котором добро отделено от зла четкой, контрастной границей, такой выразительной, что даже глазам больно. И никто ему сейчас не указ. Он король мира, он мудрей всех мудрецов. Но в то же время готов принять авторитет инакомыслящего, революционера – плывущего против течения. Для определения собственного уровня ему нужен наглядный пример. А значит, признает над собой авторитет. Кого-то, с кем может себя сравнить. Как порой равняется дворовая шпана на местного вожака, у которого за плечами три ходки в места не столь отдаленные, где быстро и жестко приучают «отвечать за базар». Или на отслужившего в армии воина, способного ребром ладони разбить стопку кирпичей, бравого и удалого, такого положительного и тоже знающего цену словам и приученного нести ответственность за сказанное. Князьями называются от рождения, но становятся ими не сразу. А вот каким станет молодой князь – зависит от того, на кого он станет равняться.

Самым надежным и порой самым гуманным и безотказным оружием в моем арсенале был мой авторитет. Вернее сказать, не авторитет, а дурная слава. Случалось мне не раз встречаться и с бравыми вояками, которые не признавали над собой ни бога, ни черта, и душегубов, и наемников, что не особо-то кичились ремеслом, но каждое движение, все их повадки выдавали профессионалов с потрохами. И было достаточно только представиться, назвать себя, как тут же прекращались всяческие препирания, ультиматумы, условия. Любой задира тут же сдавал позиции и шел на мировое соглашение, лишь бы не испытывать на собственной шкуре все те проклятия и страшное колдовство, которое приписывали мне сотни толков и сплетен. А все потому, что умные, опытные люди попадались. Может, в честном бою умелый наемник и смог бы меня подрезать или саданут, да вот только похваляться этим больше не придется, потому как никто ему все равно не поверит.

Так ли я коварен, как сказывают люди, жесток ли, проверять никто не решится и с удовольствием встанет в ряды тех многих, кто продолжает пересказывать залихватские байки, оправдывая свое чудесное выживание после встречи со мной не иначе как моей милостью и добрым расположением духа. Ну а уж, чтобы в грязь лицом не ударить, приписывали порой что-то от себя: то клыки

окровавленные, что выпирают аж до подбородка, то рост в две сажени, то злых духов, что окрест меня вились да злобно завывали, как дворовые собаки. Такие порой небылицы плели, что в них я самого себя и не узнавал даже.

Те бедолаги, что осмелились взять себе три купеческих корабля с моим товаром, видать, слухам не верили или, того проще, вовсе не слышали про то, каков я есть. Встретившая нас у опушки леса разведка доложила, что налетчиков две сотни, все оборванцы, голь перекатная, калеченые да беглые, но руководят ими люди пришлые – кочевые. Шесть десятков конников, все при добром оружии, по виду вроде как казары, да только говор их разведчикам показался незнакомым. По смыслу догадались мои лазутчики, что и сами бандиты недовольны тем товаром, что прихватили вместе с кораблями, да и что теперь делать с такой добычей, не знают. Прочие у конников были вроде как в подчинении, да все спрашивали, какую долю им дадут. А давать, как выяснилось, и нечего. Еще доложили мне, что по всему видно: голодно пришлым людям на чужой земле.

– Очень уж неумелые охотники, – заметил один черемис из разведки. – Луки у всех на казарский манер костяные, тугие, а даже кабана, что в дубраве окопался, взять не смогли.

Олай-черемис был, наверное, самый опытный охотник из тех, кто мою разведку натаскивал, и сам же ее возглавлял. Слова этого человека я никогда не подвергал сомнениям. Все мальчишки, что были в его подразделении, опыта набирались стремительно, премудрость выучили, вот только таким чутьем, как у старого охотника, еще не обладали.

– Что повелишь, батюшка? Что делать станем?

– Две сотни да шесть десятков – это конечно многовато для нас, – заметил я, отдавая поводья одному из молодых разведчиков, укутанному в маскировочный плащ. – Князька я в стороне оставлю, как говорится, не княжеское это дело – саблю марать. А вот нам с вами, Олай да Наум, придется поработать. Помнишь, Олай, как на Чертовом луге монахов стращали?

– Одного скрасть языка или двух? – тут же спросил черемис, пригибаясь, как бы принимая боевую стойку лазутчика. Ох и азартный же мужик этот Олай!

– Одного хватит, да только того, что самый горластый да задиристый. Ты давай с ребятами добудь мне «паникера», а я пока с Наумом стрелков расставлю.

– И я с тобой пойду, батюшка, – вдруг услышал я голос молодого Александра у себя за спиной. – Не пристало мне – воину, в стороне сидеть да дожидаться…

– Бравый вояка, я смотрю, – ответил я, сдерживая смех, вызванный нелепой напыщенностью мальчишки и безудержным его рвением. – Ладно, быть по-твоему – нюхни моего пороху, будет потом чем ответить перед людьми.

Бесшумно, практически незаметно и быстро, разведчики во главе с Олаем двинулись через овраг брать языка. Разомлевшие на пригорке налетчики судачили о чем-то своем, почесывая бока, жгли костры, некоторые спали, ничего не опасаясь. Всадники на лошадях держались особняком у своих укрытий и добраться до них, выбравших открытое место на поляне у реки, было непросто. Случись драка – достать их маленький лагерь надо будет еще постараться.

– Плохо, что часть ватаги на кораблях. Все трясут товар, думают, небось, скрыли от них чего-то купцы, – заметил Наум, натирая меч и блестящие детали доспехов темно-зеленой пастой из деревянной коробочки. – Попрячутся, как заварушка начнется, но мы их все одно выследим, вот только побегать придется.

– Неужто ты думаешь, что стану я свои ноженьки мочить да по здешним болотам эту голытьбу выискивать? Вот дались они мне – как зайцу гвозди. Меня больше интересуют вон те всадники. Голытьба пусть восвояси бежит – кто куда, не интересны они мне, а кочевников надо посечь, нескольких изловить да поговорить с ними по душам.

– Ох, боюсь я, батюшка, когда ты вот так злорадно шипеть начинаешь, да все гнешься к земле, того и гляди, в волка невзначай обернешься.

– Дурья твоя башка, Наум! Сам пригнись! В нас с тобой росту под два метра, а мы тут торчим на ярком солнышке в начищенных доспехах, как истуканы, отсвечиваем. – Присев на корточки за высокий муравейник и ухватив за кожаные шнуры стягивающие зерцала Наума, я подтянул его еще ближе. – Вдоль по оврагу ставь стрелков, да так, чтоб друг друга видели. Первый залп – самый малый горчичный заряд над поляной, где голытьба кучкуется. Вторым пусть заряжают шумовые ракеты, да на случай ответной атаки пусть подготовятся.

Черт их знает, иноземцев, куда рванут, контуженые, после второго залпа. Дай стрелкам задание: пусть, если нужно будет, бьют шумовыми да гонят к реке только конников, если кто исхитрится в седло сесть.

– А мне что делать? – спросил Александр, так же, как и мы с Наумом, притаившийся за кочкой.

– Тебя, молодой князь, я в бою чести не имел видеть, уж извини, потому желаю узнать, как готов ты к таким битвам. Станешь другом, коль прикроешь мне спину в бою. Тебе чем удобней, копьем или луком? Может, мечом?

– Я копьем привык, – согласился мальчишка, часто моргая.

– То, что привык, это плохо. Использовать в бою следует то, что нужно, а не то, к чему привык. Ну да ладно, копье так копье, смотри только в пылу меня не задень. Я хоть и Коварь, но резаным страсть как ходить не люблю, а ну как осерчаю…

– Я все понял, – кивнул Александр и деликатно изобразил веселую ухмылку, оценивая мое скупое чувство юмора.

– Да, и еще, княже, отправь восвояси своих медведей, боярина да слуг, грохочут кольчугами, что скоморохи бубенчиками. Пусть вон в лесочке дожидаются, лошадей стерегут. Мы как боем пойдем, вражьи лошади шустрее, чем от ядовитых змей, прочь рванут.

Наум сбегал к лошадям, попутно выпроводив княжеских людей, вынул из седельной сумки «гуделку» и встал над оврагом за корявым стволом дерева. В это время по едва заметному движению кустов на той стороне стало понятно, что возвращается разведка, волоча за собой перепуганного, связанного пленника. Совершенно бесшумно и ловко маскируясь: словно оживший подлесок, кочки да кусты сами собой сползли вниз по глиняному склону, скользнув по заметной черной полосе перегноя.

Выволочив несчастного на поляну, разведчики обступили его по обе стороны и, удерживая за плечи, не давая подняться, вынули кляп изо рта и присели при моем приближении, чуть приоткрыв маски-капюшоны плащей. Я снял шлем, открывая лицо, и навис над пленным грозной тучей, буравя его ненавидящим

жестоким взглядом.

– Что-то он худ да костляв, – буркнул я, тут же состроив недовольную и грозную мину. – Пожирней, что ли, найти не могли? Тут мне одному только на обед.

– А мне? – возмутился Наум немного наигранно. – Чур, голова моя, я ее в углях запекать буду, объедение! – При этом состроил такую страшную рожу, что я едва удержался от смеха.

Несчастный босяк от таких гастрономических интересов к его персоне даже побелел и, похоже, был в предобморочном состоянии. Связанные конечности пленника судорожно дергались, лицо перекосилось от ужаса. Из пересохшего горла вырывался какой-то сип. Безумный, остановившийся взгляд сфокусировался на здоровенном ноже в руке Наума, которым тот неторопливо разрезал путы из гибких ивовых прутьев на руках и ногах бедолаги, незаметно подмигивая невозмутимым разведчикам.

– Как же, батюшка Коварь? – подхватил игру Олай, распевно и раболепно запричитав: – Велел ты мне взять самого толстого и не сильно обросшего, вот мы тебе его и привели.

– Коварь! – прошептал пленник одними губами и еще больше затрясся. – То не я, то не мы…

Почуяв в какой-то момент, что разведчики чуть ослабили хватку, насмерть перепуганный пленник вывернулся ужом и соскользнул в низинку, к ельнику, встал на четвереньки и быстро пополз к своим, умудряясь как-то на ходу креститься и причитать, нещадно обдирая колени на еловых корнях и хвое. Через пару десятков метров он вскочил на ноги и, не разбирая дороги, рванул к стоянке, хрипя и сипя в попытке громко крикнуть, но вместо этого завыл отчаянно, словно побитый пес, сгинул в зарослях.

Мы не бросились в погоню; напротив, даже немного отступили, хохоча в полный голос. Наум, все посмеиваясь, тут же размотал «гуделку» и отмерив два локтя веревки, стал раскручивать полусферу вокруг себя.

По сути «гуделка» была низкочастотной сиреной, не инфразвук, конечно, но тоже весьма неприятная по ощущениям вибрация очень низкой частоты. Гулкое

завывание всколыхнуло сонный лес, как охотничий рев неведомой дикой твари, жаждущей крови и добычи. Я даже со своей тенистой опушки услышал, как заржали лошади наемников на песчаной отмели вдоль берега. Гул все усиливался и усиливался, набирал мощность, что, в свою очередь, послужило сигналом для стрелков, почти синхронно пустивших в небо над поляной ракеты. Дымные шлейфы резанули небо, как арканы, наброшенные на ретивых жеребцов, затаившихся в глубине табуна. В это же время вырвавшийся из наших рук пленник достиг разбойничьего стана, вопя на всю округу срывающимся голосом что-то совершенно неразборчивое. Одного его перепуганного вида хватило, чтобы в лагере бандитов началась суета и беготня. В общем шуме никто и не заметил, как над поляной прозвучали еле слышные хлопки взрывающихся ракет. Заряд был крошечный, ничтожный, достаточный лишь для того, чтобы только разорвать тонкую берестяную оболочку, под которой скрывалась горчичная смесь. Желтое облако едкой пыли оседало над углями тлеющих костров, над временными, ветхими убежищами и лежанками, устланными свежим лапником. Жгучий туман легко удерживался во влажном воздухе полуденным жарким ветерком.

Князь Александр стоял позади меня и смотрел на все это безобразие, вытаращив глаза, стараясь не пропустить ни одного мгновения разворачивающегося действия. Спектакль, продолжившийся у берега, был явно из категории черного юмора. От такого зрелища невозможно было оторвать взгляд.

Первые крики, проклятия и стоны послышались из подлеска, куда налетчики стаскали награбленное добро и где теперь продолжали упорно потрошить упаковки в бесплодных поисках чего-нибудь ценного. Теперь же эти «старатели», полуслепые от льющихся слез, чихающие и воющие от нестерпимого жжения, кинулись куда попало, хаотично сталкиваясь друг с другом и сея еще большую панику дикими воплями. Ни оружие, ни взятый с кораблей товар их уже не интересовал. Сам воздух в это мгновение превратился для них в злой яд, режущий глаза и горло, рвущий ноздри, опаляющий языки. Это были не просто крики, скорее истошные стенания грешных душ, бьющихся в вечной гиене огненной, воспылавшей внезапно посреди леса. Привязанные лошади сорвали поводья с чахлого трухлявого ствола, к которому их небрежно закрепили, и бросились врассыпную.

Вспотевший от натуги Наум остановил бешено вертевшуюся «гуделку». Это послужило очередным сигналом для стрелков, которые к этому времени должны были давно уже перезарядиться и встать на исходную позицию для прицельного

прямого удара.

Молодой князь не отступал от меня ни на шаг. Еще пять минут назад бравый и самоуверенный, он сейчас готов был прятаться за моей спиной, лишь бы не видеть того, что, по его мнению, должно было случиться.

Первый залп шумовых ракет в самые густые скопления людей был для них действительно как гром среди ясного неба, разметавший обезумевшую толпу по земле. Даже сами стрелки в этом легко убедились и тут же отложили пусковые установки, сменив их на арбалеты, заряженные стрелами с тупыми травматическими наконечниками. Непривычный к такому грохоту молодой князь не выдержал и зажал уши, испуганно пригибаясь даже от падающей на него хвои и листьев.

Еще до начала психической атаки я заметил направление ветра и потому чуть задержался, обходя поляну по оврагу с наветренной стороны. Торопиться не стоило. Горчичный туман еще висел в воздухе, и поэтому я не рискнул идти через зону поражения.

Кто-то из наименее пострадавших и самых рьяных, видимо, все же попытался выхватить оружие, за что тут же получил удар тупой стрелы в живот или грудь. Другие поняли всю бессмысленность сопротивления и, бросив любые попытки огрызаться, стягивались у крутых бортов кораблей, наполовину выволоченных на отмель.

Грязные, сопливые, почти слепые, с покрасневшими глазами и лицами, они ползали в мокром грязном песке кто без штанов, кто и вовсе голый, не решаясь поднять на меня взгляд. Более опытные и поэтому сдержанные наемники демонстративно выбросили оружие и тоже сбились в кучу недалеко от того места, где привязывали лошадей. Оставшаяся без дела на дальней опушке свита князя Александра сейчас ловила по бурелому разбежавшихся в страхе коней и даже здесь, на берегу, их крики были слышны довольно отчетливо.

Стрелки держались в тени, разведчики бесшумными призраками проверяли кусты и тенистые ямы убежищ на предмет затаившихся врагов, а на песчаную отмель вышли только мы трое.

Наум чуть впереди, прикрывая меня в полкорпуса, молодой князь, все еще пребывающий в некоторой растерянности, но не выпускающий из рук копья, двигался шагов на пять позади меня. Надо было видеть удивленные рожи этих бандюганов, когда из леса вперевалочку, по песочку вышли два великана в тяжеленных доспехах и мальчишка с копьем. Один из великанов, словно не замечая всей этой грязной, настороженной толпы, вдруг хлопнул ручищей по спине другого и заорал весело:

– О! Наум, глянь-ка! Кажись, мой товар нашелся!

Похоже, этой выходкой я добил их окончательно.

2

Правильно говорят, что первое впечатление о человеке – оно самое верное. Как только я услышал рассказ разведчиков о кочевниках в разбойничьей ватаге, сразу понял, что они воины тертые и не самого робкого десятка. И увидев их, я утвердился в этом мнении. Застигнутые врасплох моей внезапной атакой, они просто не успели дать отпор, а могли бы. Со злорадством вспоминаю их лица, удивленные и обиженные одновременно, когда они увидели все мое войско, состоящее всего из пяти стрелков, которое теперь вязало им руки и ноги, усаживая в рядок под колышущимся от ветра корабельным навесом. Только колдовством и злыми чарами они, видимо, оправдывали собственное бессилие и страх перед горсткой этих деловитых, невозмутимых воинов, споро вяжущих узлы на их запястьях. Да и наверняка их пугала наша троица, особенно Наум, небрежно покручивавший два меча, обеспечивая порядок и очередность. Особо прытким уже досталось – удар мечом плашмя по голове – и уноси готовенького. Александр рылся в куче оружия, сваленного на песке, выуживая интересные образцы и показывая их мне. Разведчики подносили еще, собирая по лесу брошенное.

У большинства из наемников было очень хорошее вооружение, шелковые одежды, золотые украшения и монеты, которых я раньше не видел. По некоторым клеймам и знакам я понял, что вооружение у них китайского производства. Это в XXI веке фраза «китайское качество» станет чуть ли не синонимом определению «дешевая подделка». А в моем случае найденные на

вполне приличном оружии иероглифы говорили только о том, что воины прибыли издалека и, скорее всего, именно оттуда – из монгольских степей, где роилось несметное полчище, готовое по мановению руки своего вожака преодолеть любое пространство, стирая в пыль все на своем пути.

Лазутчики орды, в чем я теперь совершенно не сомневался, намеревались, видимо, зимовать в здешних краях, собрав вокруг себя несколько сотен балбесов, шастающих по лесам в поисках легкой добычи. Мелкие группки босяков не могли серьезно навредить купеческим караванам, хорошо охраняемым и осторожным. Щипали по селениям, били зверье, кто посмелей да неприметный, выходили с убогой добычей на торги – пытались выменять на хлеб да соль. Так же, как когда-то Петр, приютивший меня в первый год, отсиживались в труднодоступных местах, мастеря наспех землянки да убежища, словно медведи – берлоги.

С этими оборванцами как раз все было ясно и понятно. Им дело найдется. Для начала поработают бурлаками и допрут-таки ладьи до крепости, где их ждет преемник убиенного ими купца, надеющийся вернуть товар. Ну а после состоится суд, сход старейшин. Если ни в ком из бандюг не признают обидчика в каких-то других делах, то для начала пущу их на тяжелые работы в искупление грехов, а там – как народ решит. Может, кто из ремесленников попросит подмастерья, может, кому в дворовые человек понадобится. Демократия – это хорошо, но вот строить тюрьмы для блатных и воров «в законе», кормящих вшей на нарах от безделья, я не собирался. Особо упертых определял гребцами на купеческие суда, где местные приказчики да надсмотрщики быстро научат хорошим манерам. Вот и вся система наказания за проступки. Раскаялся, осознал – добро пожаловать на общественно полезные работы с дальнейшей перспективой укоренения. Уперся, пошел в отказ – милости прошу на невольничий рынок, а там крутись, как знаешь. Хотя и у меня в крепости уйма не выкопанных ям для клозетов, а сделать экскаватор с паровым двигателем я еще не сподобился. Вот с кочевниками у меня будет отдельный разговор. Даже если через месяц за ними явятся послы, купцы или просто авторитетные люди с ручательством, я все одно возвращать их не стану. Пусть они в моей крепости ничего толком и не увидят, но самому отпускать на волю пойманных лазутчиков станет большим упущением. Во-первых, мне нужны будут консультанты и переводчики. В свете предстоящих событий я должен буду иметь как минимум двух-трех человек, владеющих языком врага. Плюс ко всему, мне потребуются сведения о численности войска, его структуре, иерархии, способах передвижения, питания, пополнения припасов, вооружении. Все это я когда-то читал в книжках по истории, но одно дело – книжки, и совсем другое – живые

свидетели, которым врать станет невыгодно. Если человек имеет желание жить, рано или поздно его можно довести до такой степени отчаянья, что он расскажет все, как бы ему этого ни хотелось. Не я придумал способы, как, не применяя насилия, довести любого, даже самого стойкого, до того, что он будет молить о смерти, и в данном случае этими методами я брезговать не стану. Если вынудят.

Наум со стрелками и частью княжеской свиты остался приглядывать за тем, как пленные станут бурлачить корабли до крепости. Олай со своими людьми все еще прочесывали окрестности и уже собрали приличный табун лошадей, который им предстояло перегнать в крепость. Мы с князем не спеша двинулись в обратный путь. Я уже давно не ощущал такой безмятежности и покоя. Кругом шумел кронами высоченных деревьев дремучий лес, беспечно щебетали птички, где-то в глубине чащи ухала потревоженная сова. Видимо, задремав, очнулся уже у переправы от стука копыт по доскам настила моста. Поводья моего коня были в руках Олая, невесть откуда взявшегося и теперь идущего впереди. Оглянувшись, увидел в клубах пыли догоняющий нас табун лошадей в окружении разведчиков. Олай, свирепо гримасничая, погрозил им кулаком. Те, весело скалясь, засуетились, придерживая табун, давая нам возможность спокойно пересечь мост. Впереди, у поворота на дорогу к крепости, топтались, спешившись, люди князя. Сам Александр плескался у берега, боярин Евпатий, стоя по колено в воде, держал наготове рубаху, что-то сердито выговаривая князю. Тот в ответ окатил его водой так, как делают это все мальчишки на свете: выставив ладошки и резко двигая руками. Боярин позорно ретировался, выронив рубаху и неуклюже карабкаясь на глинистый, скользкий берег. Следом за ним полетела намокшая рубаха. Скомканная и метко запущенная рукой Александра, она попала беглецу, прямо в затылок.

Мне вспомнился пикник на какой-то загородной речушке: наш старый «москвичок» с распахнутыми дверцами; отец с большой деревянной ложкой, колдующий у костра над подвешенным котелком; весело смеющаяся мама, чистящая рыбу, и я, еще пацан, бултыхающийся между небом и землей, в прозрачной воде, среди юрких стаек мальков…

Олай резко дернул повод, уводя коня в сторону сразу за мостом. По настилу уже грохотали десятки копыт несущегося табуна. Обдав терпким запахом пота, лошади унеслись в сторону крепости под разбойничий свист и щелканье кнутов озорных разведчиков. Беззлобно ворча, Олай покосился на меня, ожидая разгона за проделку своих подопечных, но, увидев мою разомлевшую рожу, повеселел и

пошел быстрее. У самых ворот крепости нас догнал донельзя довольный Александр, потряхивающий еще мокрой головой. Я лениво скосил на него взгляд и только проворчал:

– Ай-ай-ай, с мокрой головой да еще верхом! Нехорошо.

В памяти многих местных той старой Железенки уж и не было. Позабылось, что стоял когда-то на месте нынешней крепости чахлый родовой поселок. Забросили это место еще до моего появления. Сказывали, что висело над ним некое проклятие, которое варяг Коварь извел крепким железом да волшебством. Да и кирпичные стены, возведенные невероятно быстро, считались чуть ли не за ночь вставшими. Ну разумеется, за ночь. Как же еще? Днем Коварь в берлоге спит, злое задумывает. Да только с тех пор как встали стены оборонительных сооружений, появилось у крепости другое название, не очень мною любимое, несколько двусмысленное. Называли крепость змеиной, или, в просторечии, Змеегоркой. После того как я извел весь лес вокруг, змей действительно добавилось. Гадские создания обожали греться на разбросанных камнях, а в стужу и холода уходили под землю, в многочисленные тоннели, подвалы и ямы, коих после строительства осталась тьма-тьмущая. Случалось, что и цапали кого из зевак, вот и стали люди сказывать, что пришел Коварь да вбил железный кол в змеиную горку. С тех пор гады ползучие ему служат, как рабы господину. Мной, колдуном, нехристем, пугали деток малых, стращали девиц. «Не плачь, не реви, Коварь услышит, заберет». Или вот такое: «Прибери косу, девка, не то Коварь посечет, век плешивой станешь». Моя скромная персона стала главной темой фольклора. Думаю, что не обошлось без вмешательства странствующих монахов да архиерейских ставленников. Эти смутьяны, хлеще любых сплетников, шептались по углам, народ стращали, но не сломить им было недоверчивых селян, не отвадить от моего товара да добрых дел.

Так вот, Змеегорка нынче стала местом очень популярным и заметным издалека. Первое оборонительное кольцо углубилось в поредевший лес примерно на километр. За этой стеной был гостиный двор, карантинная, таможенная зона. Часть купеческих складов и дома жителей, нашедших себе дело при этом самом дворе.

Далее вглубь, к самим башням цитадели – система подземных коммуникаций от гостиного двора и прикрытые до времени оборонительные редуты. Проще говоря, заготовленные заранее окопы, накрытые сверху откидными щитами.

Вторая оборонительная стена, или, как я ее называл, замковая, была высотой двадцать метров и толщиной у основания восемь. Окруженная сухим рвом, она имела главные, большие ворота и боковые, так сказать, технические.

У реки стена не смыкалась, а заканчивалась широкой аркой с решетчатой завесой. Часть берега была срезана и выложена камнями. К пристани и части доков вели широкие каменные ступени, огибающие фронтальную смотровую площадку, где прежде был установлен большой портовый кран, впоследствии за ненадобностью демонтированный и забытый. Не настолько много товара привозили купцы, чтобы разгружать его краном, тем более что большая часть всех прибывших и отбывающих товаров грузились на складах и мастерских, большей частью выходящих к воде. Если попробовать себе представить основную форму крепости с высоты птичьего полета, то выглядела бы она примерно как две подковы, большая и малая. Малая была бы спрятана внутри большой. Разомкнутые части этих подков сходились у реки, на обрывистом, укрепленном берегу. Некоторые здания внутри замковой стены все же остались деревянными, но это были временные постройки, до которых пока руки не доходили. Поставленные с целью экономии средств и материала, они по большей части служили казармами стрелков крепостного гарнизона и, как правило, прикрывали собой вход в подземную часть арсенала и холодных складов. Со временем выяснилось, что ледниковые схроны, которые я делал в первые годы, себя не оправдали. Температура в них не соответствовала требованиям. Поэтому от длительного хранения замороженных припасов пришлось отказаться. Склады разморозили, высушили и переоборудовали под другие нужды. Из замковой части крепости вели еще два подземных прохода, которые были сделаны добротно и шли параллельно сточным каналам. Тайные эвакуационные тоннели, тщательно замаскированные и закрытые. В этих катакомбах, большей частью появившихся после выработки местной глины и земляных работ, скрывались стратегические склады. Сверху эти склады прикрывал обычный деревенский дом, в котором жил пасечник с семьей. На границе леса и гречишного поля он держал примерно сотню ульев. На третий год своего пребывания здесь я нашел семью, пришедшую с юга, которую приютил, узнав, что они хорошие специалисты в области пчеловодства. Сам я пчел, кусучих бестий, боялся и предпочитал держать подальше от крепостных стен.

Вылазка в лес и спасательная операция заняли больше суток, жаль было потраченного времени, но выбирать в этой ситуации не приходилось. Или я сам с

небольшой военной поддержкой, или львиная часть моей крошечной армии на возмещение ущерба от налета на торговые суда. В данной ситуации пришлось сделать выбор в пользу собственного участия, хоть армии и не грех лишний раз выйти в боевой рейд.

В данном случае я лично занялся поправкой дел, зная, что речь идет о стратегических припасах, которые в ближайшее время могут очень понадобиться. Вот уж и дальние феодалы засылают своих соглядатаев, водят рылом у жирного ломтя. Чуют, гады, что многим можно поживиться, да только никак не могут меж собой договориться, чтобы взять все да потом поровну поделить добычу. Прямых поползновений на крепость еще не было. Никто пока не осмелился привести войско под ее стены и предъявить какие бы то ни было требования. Но слали шпионов, наемников, вынюхивали, воровали. Однажды сподобились две дюжины крепких ратников переодеть в лесных налетчиков и совершили набег на близлежащее селение.

Не знали горемыки, что Мартын с Наумом в тот день с тремя стрелковыми старшинами гостили у старосты, вербуя крепких ребят на службу.

Московский воевода Филипп потом месяцев пять выкупал обратно битых ратников.

Мелкие провокации и козни священников я не брал в расчет. Приведи в мою крепость хоть пять сотен ученых мужей этого времени, а все одно без меня им в технологиях не разобраться.

Я усадил Александра в кованое кресло, стоящее у окна мастерской, а сам снял фартук и рукавицы, оказывая некоторое уважение гостю.

Время было обеденное, так что коротенький перерыв я мог себе позволить.

– Все приходится делать самому, князь. Никому доверить не могу, особенно то, о чем другие мастера не ведают. Ты уж не серчай, что мало времени уделяю гостю. По моему распоряжению будет тебе одному, без провожатых дозволено входить во внутреннюю крепость и осматриваться там, сколько пожелаешь.

– Негоже как-то, батюшка, тебя прозвищем окликать. Коварь, Аред, варяг, слыхивал я. А неужто имя свое нареченное в тайне держишь?

– Отчего же в тайне? Мое имя Артур, в здешних краях и не ведомое, вот и не представляюсь по имени.

– Действительно чудное. Артур, – повторил Александр, удобней устраиваясь на кресле. – Варяжское имя?

– Кельтское. В переводе означает – медведь.

Перевод имени Александра еще больше позабавил, но он не стал комментировать возникшие в этой связи ассоциации.

Открыв дверцу неприметной ниши в углу мастерской, я обратился к молодому князю:

– Жарко на дворе. Квасу холодного не желаешь? Или, может, студня?

– Откуда ж студень, батюшка? Чай, не стужа на дворе, сам сказал, что жара.

– Ну, ты же все-таки в мастерской у Коваря как-никак.

И вынув из холодильника крынку ледяного кваса и миску свиного студня, я поставил их на стол, где глиняная посуда мгновенно покрылась испариной. Смотреть на вытаращенные от удивления глаза князя было одно удовольствие. Он даже соскочил с кресла и нагнулся к крынке, недоверчиво ощупав ее рукой. Тут же отдернул, будто от горячей.

– Вот это чудо! Никак ты, Коварь, в чулане своем зиму прячешь?

– Так и есть, в жаркие дни пускаю на постой. Иди-ка, глянь!

Забыв про свой титул князя, как обычный любопытный мальчишка, Александр залез в мой холодильник почти с головой, удивленно ощупывая ледяные наросты на грубой медной трубке, закрученной в спираль на потолке маленького шкафчика. Он касался пальцами рыхлой наледи и снега, от разгоряченной кожи рук поднимались тоненькие струйки пара, горло прихватывал морозный воздух. Конструкция была примитивной и надежной. Наглухо запаянная медная трубка,

расширительный бачок и масляная горелка, нагревающая небольшой резервуар с бензином. Когда паров набиралось достаточно, они выдавливали клапан и врывались в длинную трубку, закрученную причудливым узором по всему холодильнику.

– Долго открытым не держи, а ну как решит зима да стужа, что время настало, вырвется наружу, потом уговаривай ее обратно в чулан лезть. А так средь лета снег пойдет, метели завоют, опять все на мою грешную душу людские проклятия.

В этот момент как раз сработал клапан расширительного бачка, и трубки еле заметно затряслись, загудели, с хриплым шипением прогоняя через себя пары бензина. Эффект мгновенного расширения выпущенного под значительным давлением газа, вызывающий экзотермическую реакцию, узнают еще не скоро, и как бы сильно я ни старался объяснить хоть самую примитивную основу технологии, ее все равно станут считать магией и колдовством, темной коварьской ворожбой.

Александр мгновенно отпрянул и захлопнул дверцу, перебарывая в себе желание схватиться за кинжал, висящий на поясе.

– Чур меня! – наконец смог вымолвить Александр и три раза перекрестился.

Разумеется, после этого к холодному квасу на столе отрок так и не притронулся. Я видел, что он внимательно, не стесняясь, оглядывается по углам, замечает какие-то вещи, инструменты, о назначении некоторых только догадывается. Все колбы, реторты, трубки, странные котлы и печи оценивает не иначе, как колдовскую утварь, не видя в них обычных ремесленных приспособлений.

Могу себе представить, каких баек он наплетет своему папаше. Может, это и к лучшему. Пусть знают удельные князья, что не с простым человеком придется иметь дело – колдун, однако!

– Обед скоро, – напомнил я, выводя парня из затянувшегося ступора, – вон уж и часы полдень пробили, пойдем, князь, праздник скоро. Народ собирается повеселиться, погулять. Потешные побоища смотреть с тобой станем, да свою удаль покажем.

Особых мероприятий на этот день я не планировал. Выкачу дюжину бочек хорошего пива для гостей, барашков на вертеле, хлеба, всяких пирожков да калачей, сытную похлебку с увесистым куском мяса и прочее угощенье. Чтоб никому не было обидно, решили провести праздник в гостином дворе, куда вход всем дозволен. Мне докладывали, что, прознав о празднике и потешных боях, по результатам которых я стану набирать себе молодое пополнение в регулярные войска, народу набралось – тысячи три. Вот уж где мои купеческие дворы получат хороший доход. Да и ярмарка вдоль стены, образовавшаяся сама собой, уже шумела людским многоголосьем. Торговали всем, что привезли на многочисленных повозках, телегах, вьючных лошадях и быках. В основном шел натуральный обмен – по старинке. Так и привычнее, и веселей. То тут, то там азартно сходились солидные дядьки, тыча под нос друг другу свой товар, превознося его качество и находя изъяны в предложенном в ответ. Тут же набегал любопытствующий народ, и начиналась толкотня, шум, гам. Наконец из толпы вываливались багроволицые дядьки, каким-то чудом не растерявшие свой товар, и ударяли по рукам, завершая сделку.

Ближе к реке поставили нарядные шатры, карусели и разнообразные качели. Там заправляли праздником многочисленные скоморохи, загодя пришедшие из разных мест и теперь вовсю веселившие народ. Всюду звучал смех, радостные вопли многочисленной детворы; раздавались резкие звуки каких-то дудок, свирелей, трещоток. Гулко ухали бубны и барабаны.

Ближе к лесу, на ровной поляне было размечено футбольное поле, на котором уже гоняли мяч мальчишки, собрав приличную толпу болельщиков. Вообще-то поначалу футбол входил в физическую подготовку стрелков. В полном комплекте доспехов они перекидывались мячом, привыкая к нагрузкам. И до того освоились, что появились целые команды. Играли и в облегченный футбол, но самым зрелищным оказался тяжелый вид. Получилась смесь из хоккея, футбола и кулачного боя. Грохоча доспехами при столкновениях, две команды отчаянно мутузили друг друга, не забывая при этом пинать, хватать и волочить мяч к воротам противника. Нагрузки были запредельные, поэтому по ходу игры проводились частые замены. Сами собой сложились правила. Появились авторитетные судьи.

Зимой же поле заливали водой, не дожидаясь, пока окрепнет лед на реке, и с еще большим азартом гоняли шайбу или мячик клюшками. Я сам отковал первую партию коньков, самых простых, таких, что привязываются прямо к валенкам. Клюшки игроки ладили себе сами, в целом придерживаясь определенного

шаблона, в остальном – фантазируя, кто во что горазд.

Мы с Александром, неспешно прогуливаясь по крепостной стене, озирали окрестности. Всюду сновали принаряженные по случаю праздника люди. От торжища, что клубилось под нами, они степенно вышагивали к открытым настежь воротам гостиного двора, где уже давно вились дымами костры с кипящими котлами: варилась похлебка, пеклись пирожки, ворочались большие вертела с жареными тушами, откупоривались все новые бочки с квасом и пивом. Все это изобилие непрерывно подавалось на множество столов, за которые рассаживался прибывающий народ. Где семьями, где компаниями; молодежь – та вовсе не присела, все на бегу, на скаку. Хвать горячий пирожок – и бегом на качели, карусели да на игрища скоморошьи! Что меня особенно порадовало, так это отсутствие всякой давки и беспорядка. Чего я резонно опасался, памятуя, какие побоища устраивали любители халявы в век электроники и мирного (мать его!) атома. Правда, в попытке навести порядок власти тогда не находили ничего лучшего, чем нагонять тучу правоохранительных органов. Превратив все праздники в Дни милиции.

Здесь же – тишь да благодать. Тон, конечно, задавали местные, привыкшие к моим новшествам и установленным порядкам, тем более что многим из них скоро выходить на смену – тем, кто организовывает и готовит этот праздник. Глядя на них, и пришедшие из отдаленных земель гости старались соответствовать и особо не выделяться излишней суетой.

Ближе к вечеру как часть шоу гвардейцы покажут мастерство владения оружием, примут вызов от любого в потешном бою. А в финале выступления я лично продемонстрирую приемы рукопашного боя сразу с дюжиной желающих.

Год выдался тяжелый, неурожайный, и если бы не мои старания, то и склады заполнять было бы нечем. А так от соседних селений люд подкормить, позабавить, пусть знают, что, случись опасность – есть кому защитить народ, есть где спрятаться. Посмотрят, на что отдадут своих сыновей. Не в боярскую грабительскую сотню, а на свое же охранение.

Веселье весельем, но я успевал еще доделать кой-какие дела, которые постоянно требовали моего личного внимания и присутствия. По пути потерял молодого князя. Прошелся по цехам, дневную прибыль уложил в хранилище. Ярославна с Димкой да няньками, набегавшись по ярмарке да аттракционам, уже сидели в центре зрительских трибун на почетных местах, а меня то и дело

отвлекали, спрашивая каких-то советов да указаний. Александр со свитой сел особняком, с кислой физиономией выслушивая сердитые нашептыванья его постоянных спутников Евпатия да Ратмира. И, судя по всему, их слова молодого князя совсем не радовали.

Явившиеся на забаву кандидаты выходили в центр огороженной площадки: у одних на локтях были белые повязки, у других красные. Красными я отмечал некрещеных людей, с белыми были христианские селяне. Кто от монастырских угодий, кто бояр дворовые люди, а кто вольный, пришлые колонисты, селений коих в окрестности было много.

Численный перевес был у людей с красными повязками, но для меня это не имело значения, главное – провести сравнительный анализ общего количества тех и других, а уж то, как и за что они станут друг дружке морды бить, то не моя забота. У каждого найдется затаенная обида.

Многие народы и племена собрал мой праздник в крепости. И рязанские, и переславские, и суздальские бояре съехались со своими холопами. Вакансий в мое войско было не больше двух десятков, да вот только не каждого мне отдадут. Хотя не зря я велел всем пришлым в гостином дворе извещать, что в моей крепости есть закон, по которому всякий, кто придет, будь то беглый или невольный, получит убежище и защиту. Может случиться так, что мне некоторых холопов боярских даже выкупать не придется. Кулачный бой не вызывал особого интереса у зрителей. Все с нетерпением ждали показательных выступлений стрелков, к которому те готовились почти полгода. Еще среди зевак по наущению верных мне купцов образовалось что-то вроде тотализатора, где принимались ставки на того или иного кандидата, прошедшего в полуфинал, что давало право бросить вызов мне или стрелкам. По правилам последнего поединка все споры будут разрешаться без оружия и брони, только кулаками. Калечить противника не дозволялось, для чего на празднике присутствовали авторитетные судьи из числа уважаемых старост, глав родов и бывших воевод, доживших до старости.

Праздник открывала тяжелая пехота. Бряцая на бегу прямоугольными металлическими щитами, извиваясь, словно сказочная гигантская змея, колонна втянулась на площадь и мгновенно рассыпалась на небольшие группы, накрывшись чешуей из щитов, превратившись в десяток небывало крупных черепах. По толпе прокатился гул удивления. Щиты на мгновение раскрылись, раздался многократно щелкающий, хлесткий звук одновременно выстреливших

арбалетов, выпустивших сотни стрел прямо в небо. Зрители восторженно взревели. С лязгом сомкнулись щиты под градом ссыпавшихся сверху стрел, что вызвало еще больший восторг.

Затем стрелки продемонстрировали фигуры построения на поле боя. Групповую и одиночную атаку, мастерство стрельбы из тяжелых арбалетов. Для пущей убедительности я велел повесить на мишени старые кольчуги, чтобы шпионы и зеваки видели убойность моих стрел. Единственный казарский наемник в моей гвардии с лихостью продемонстрировал мастерство отбивания стрел, пущенных в него из охотничьего лука. Техника владения сразу двумя клинками здешним ратникам была известна, но, по всему видно, применялась нечасто. Под конец Наум продемонстрировал мастерство владения копьем. Вот уж кому под горячую руку лучше не попадаться. Мартын, хоть и его родной брат, был куда сдержанней и более отходчив, да и копье не любил, полагаясь все больше на тяжелые предметы типа палицы или булавы.

Финал боевой части праздника меня немного удивил, но морально я был готов к тому, что получу вызов на поединок сразу от большинства не самых последних в ратном деле людей. Были здесь и рязанский воевода – рыжий варяг со своим одноглазым сыном. И два монаха, что в Коломне славились не меньшей удалью, чем мои братья-близнецы. Были мордовские и мокшанские витязи, племенные вожди. И даже охранник булгарского посла взялся со мной силой помериться. На какой-то момент кандидаты между собой заспорили, желающих было больше двадцати, а по требованию турнира должно быть не больше двенадцати. Все они прошли предварительные поединки в довольно жестокой схватке, когда в толпе крепких мужиков, идущих стенка на стенку, надо выбить как можно больше противников, и теперь, уложив своих многочисленных соперников, горели желанием померяться силой со мною. Но я быстро остановил спор, предложив им во время боя занять места тех, кто добровольно выйдет из поединка.

Для меня холодное оружие: мечи и копья, половецкие сабли, казарские кинжалы, сулицы охотников – в первую очередь представляли интерес как кузнечные изделия. А этим добром мои противники были обеспечены солидно, судя по тому, как они обстоятельно от него освобождались, складывая на землю явно не парадное, а побывавшее во многих схватках оружие. Даже скромный монашеский посох представлял собой отменную палицу, ведь неспроста на ней такое количество металлических бляшек, и не раз, видимо, охаживали им лихих людишек, что любят грабить одиноких путников. Лица тоже выдавали бывалых

воинов: покрытые шрамами, с характерным прищуром глаз, цепким ощупывающим взглядом изучавшие меня. Привычные вступать в битву вооруженными и защищенными, сейчас, с пустыми руками, они имели лишь численное преимущество. Которое, впрочем, я постараюсь очень быстро свести к минимуму. Иначе эти «отморозки» меня разорвут. Так что я первым делом бросился… бежать! Под свист и улюлюканье толпы, оторвавшись от кинувшихся за мной соперников, я резко остановился и провел мгновенно прием айкидо против первого настигшего меня. Отправив его падать в зрителей; встретил второго выставленным локтем прямо в лицо так, что он брякнулся третьему под ноги, тот, завалившись, получил от меня рубящий удар ребром ладони по шее. Снова улепетываю, кося глазом через плечо, высматривая самых прытких… Хрясь! Влетаю с ходу в чьи-то медвежьи объятья. Вот досада! Проморгал кого-то. Толпа взвыла, предвкушая кульминацию. Щас! Не дождетесь!

И со всей силой бью головой в оскаленное лицо. Еле оторвавшись от набежавшей ватаги, перепрыгнув через упавшего без памяти, уже было предвкушавшего победу противника, немного выровнял дыхание и оглянулся. Набегали сразу трое. Снова прием айкидо, удобный тем, что, используя инерцию нападающего, только придаешь его телу нужное направление. Отправив его в свободное парение за пределы поляны, брякнулся в ноги остальным. Двое или трое перелетели через меня, довольно жестко приземлившись. Я же, вскочив, тут же схлопотал в ухо.

Ну, это уже мелочи! Левой в пузо, правой в челюсть. Кто-то вцепился со спины, чтобы тут же отвалиться, получив локтем в печень. Самыми рьяными себя показали рязанский воевода и коломенские монахи. Черемисы да мордва сразу сдали позиции и после первого же жесткого приземления больше в драку не лезли. Человеческое тело – это шарниры, рычаги, к которым порой даже много сил прикладывать не приходится, чтобы вывернуть, без особых усилий отшвыривая центнер потного тела, а то и все полтора на приличное расстояние. Я, пританцовывая в боксерской стойке, продолжал контролировать ситуацию, отмечая бессильный гнев в лицах противников, упорно поднимающихся с пыльной посыпанной опилками арены, не понимающих, каким коварством или колдовством я смог их одолеть. Тысячи глаз наблюдали за тем, как разъяренные, ревущие от злости и обиды прославленные воины разлетались от меня в разные стороны, утирая кровавые сопли.

Некоторые из них после трех или четырех попыток больше не решались вступать в драку, хоть толпа их и подначивала не сдаваться, бить до конца.

Последним остался монах Афанасий, который, похоже, боли вообще не чувствовал или был настолько терпелив, что мои болевые приемы на него не действовали. С покрасневшими от натуги глазами он наваливался на меня всей тушей, стараясь придавить к земле, но у него не получалось. Мне всякий раз удавалось вывернуться, и я продолжал упорно долбить его в солнечное сплетение, чтобы тот окончательно сбил дыхание и не смог больше нападать.

Наконец-то, задыхаясь и скрючиваясь от боли в животе, он ткнулся мне в ноги, от бессильной ярости укусив за щиколотку, вызвав смех у зрителей.

– ВДВ и в Африке ВДВ, – произнес я непонятную для Афанасия фразу, оторвав его от моей ноги и примирительно похлопывая по спине, потащил шатающуюся фигуру неудачливого соперника из круга под одобрительные возгласы довольной увиденным шоу публики.

Выступление показало, что я в не самой плохой форме, но так занят внедрением технологий, что совершенствоваться просто не остается ни сил, ни времени. Как бы там ни было, тысячи свидетелей теперь понесут весть о том, что Коваря даже дюжиной матерых мужиков, хоть и безоружных, а все одно не одолеть. Слухи, толки, небылицы – их нужно лепить, формировать, подкармливать, подстраивать, подкраивать так, чтобы одними только разговорами обо мне отбивалась охота со мной связываться.

Всех, кто бросил мне вызов в этот день, я пригласил за свой стол, поставленный чуть выше остальных, на свежих досках настила у главных ворот. Уходить праздновать во внутреннюю крепость было бы недемократично. Пить да праздновать с Коварем за одним столом допускался не каждый, но поражение в поединке дало такое право побежденным, заставив всех примириться. Возбужденные разговоры о прошедшем бое переводились в шутку, а оба монаха, чуть выпив, так и вовсе полезли обниматься да брататься.

Рязанский воевода, похоже, возгордился тем, что мы вроде как земляки, а та мелочь, что я с трудом понимаю язык, на котором он ко мне всякий раз обращался, его совершенно не смущала.

Ярославна отвела Димку спать, вверила заботливым нянькам и присоединилась к нам, пользуясь случаем побыть со мной. Гости ели и пили, веселились, потешали друг друга забавными историями, когда к столу со стороны гостиного

двора подошли десять человек во главе с боярином, судя по одежде. Боярин вел себя вызывающе, дерзко и выказывал некоторую брезгливость ко всем собравшимся за моим столом.

– Ты что ли тот, кто зовется Коварем? Отвечай!

– Ты кто такой? – возмутился захмелевший Наум, поднимаясь с лавки. – Вот я тебе отвечу…

– Уймись, Наум! – Ухватив разъяренного великана за плечи и удерживая его, я обернулся к Ярославне: – Душа моя, ступай в дом, а Наум тебя проводит. Так ведь? – Я подмигнул Науму, и тот, обиженно недоумевая, тем не менее подхватил бережно за локоток Ярославну, исчез с ней в темноте. Тут я развернулся к незваному гостю и изучающе уставился на него. Мне действительно было интересно, что за придурок явился к нашему столу, и, предчувствуя развлечение, я молча скрестил руки на груди, чтобы не было соблазна навешать ему оплеух. Сидящие за столом притихли, тоже почуяв мое настроение.

Не дождавшись ответа, боярин счел, что произвел должное впечатление и подбоченился, выставив вперед ногу, вытряхнул из рукава свиток мелко исписанного пергамента и, потрясая им, загнусавил:

– По повелению ростовского князя Василько Константиновича, сына князя владимирского Константина Всеволодовича, я, боярин Иван Копыто, приказываю тебе, Коварю, как холопу рязанского боярина Дмитрия Игоревича Мещерского и даннику Ингвора, князя Рязанского, подать к нашему обозу две сотни пудов железа, сто щитов, полста коней, три десятка овец и коз – поровну. Триста гривен-кун, сто гривен серебром. Лучников твоих и с ними три тьмы добрых стрел. Подать сею сопроводить разъездом дружинников рязанских до муромских станов и крепостей на нужды похода до скверных булгар, кои срамно поносят христианских слобод да монастырских угодий разоряют от Итиль по левому берегу.

– Ростовский князь, значит, – прошептал я, состроив испуганную гримасу на лице, – повелел мне, боярскому холопу.

– Да, без промедления, – важно пояснил боярин, убирая свиток с требованиями обратно в рукав.

– Смотрю я, ростовский князь решил пойти пощипать булгар да поучить их хорошим манерам. Может, и ко мне, дикарю да нехристю, заглянет? Вразумит убогого, а?

– Княжьему слову воспротивиться вздумал! Смерд! – воскликнул боярин, хлестнув плетью по столешнице. – Четвертуют тебя, мятежника!

В этот момент волна смеха покатилась от моего стола с некоторой задержкой по всему гостиному двору. Охранники и провожатые обнаглевшего боярина столпились вокруг хозяина, не решаясь даже руку протянуть к оружию. Взгляд у них был запуганный, а гонор боярина и вовсе был не понятен. Весь гостиный двор надрывал животы от хохота, глядя на то, как пыжится и тужится от важности полоумный боярин, явившийся в мои владения с подобным требованием. Уж не знаю, на что рассчитывал отправивший ко мне посла незнакомый мне ростовский князь, но посланника своего он подставил, как говорится, под раздачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rymzhanov_timur/zmeinaya-gora

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить